

Враг будет разбит,
победа будет за нами!

Суть времени

Подписаться на газету можно в ближайшей местной ячейке Движения «Суть времени». Задать вопросы и узнать контакт ближайшей местной ячейки Движения можно по телефону 8-800-100-97-24 (звонок бесплатный), podpiska@eot.su

Оглавление

Колонка главного редактора	5
Реакционная аналитика — 2	6
Политическая война	20
От Поклонной до Колонного	21

ОГЛАВЛЕНИЕ	2
Экономическая война	75
Торговые войны — 7. От СССР — к перестройке. Часть I	76
Информационно- психологическая война	96
Бахтин в Мордовии — 2	97
Классическая война	117
Доктрина Великой войны. Сокруши- тельный «Багратион»	118
Наша война	140
Афера с «креативным классом»	141

ОГЛАВЛЕНИЕ	3
Социальная война	179
Кредитное рабство	180
Война с историей	199
Дух Ленина и дух Власова	200
Мироустроительная война	217
Иранские перспективы — 2	218
Концептуальная война	238
Индивидуализм и развитие	239

ОГЛАВЛЕНИЕ	4
Война идей	260
Вторжение в семью, или «Была у зай- чика избушка лубяная...» — 2	261
Диффузные сепаратистские войны	280
Поволжье... Что стоит за некоторы- ми международными экономиче- скими проектами?	281
Культурная война	300
«Деточки» и «белоленточники»	301

Колонка главного редактора

Реакционная аналитика — 2

Взять и сказать, что консерватор — это гарантия от крови, и что противником консерватора является только реакционер — это нечто!

Напомню читателю ту цитату из выступления Д. Медведева на открытии проекта «Гражданский университет», которой я по-

святил свою статью «Реакционная аналитика» («Суть Времени» №24).

«Консерватор в качестве своего антипода, противоположности, может сопоставляться только с реакционером. Реакционер — это тот, кто тащит назад, а консерватор стремится изменить жизнь, но при этом старается делать это без революций... Любой консервативный метод в любой области знаний, в любой части общественной жизни — это метод, что называется, без крови».

В этой редакционной и ещё более реакционной статье я познакомлю читателя с тем, как студент-политолог должен (если он не гуляка праздный) отвечать на вопрос «Что такое консерватизм?»

«Консерватизм (фр. Conservatisme, от латинского conservo — сохраняю) — идеологиче-

ская приверженность традиционным ценностям и порядкам, социальным и религиозным доктринам», — должен ответить он.

А если ему хочется щегольнуть, то, сославшись на Бёрка, де Местра или Меттерниха (общеизвестных отцов консерватизма), он может процитировать Брокгауза и Ефрона. Мол, консерватизм — это направление в политике, отстаивающее существующий государственный и общественный порядок, в противовес либерализму, требующему необходимых улучшений и реформ. Порассуждать о том, что консерватизм почитает идеалы прошлого. Противостоит шоковым реформам. И так далее.

Эдмунд Бёрк

Жозеф де Местр

Клеменс Меттерних

А если дотошный преподаватель спросит: «Ну и что общего в разных определениях консерватизма?» — что студент должен ответить? Что в любом определении присутствует один повторяющийся элемент.

«Отстаивание традиционных ценностей и порядков»...

«Отстаивание традиционного единства»...

«Идеологическая приверженность традиционным ценностям и порядку»...

В отличие от студента-отличника (а также четвёрочника), аспирант мог бы порассуждать об общем модернистском либерально-консервативном консенсусе. О рамке этого консенсуса.

Если он смелый аспирант, то и о том, что этот консенсус разрушен. И что теперь либералы и консерваторы на ножах.

Но это всё — студенты, аспиранты, не осмеливающиеся вывернуть наизнанку общепринятое политическое понятие. А премьер Медведев осмелился. Причём даже не сказав: «А у меня своё представление о консерватизме, вытекающее из того-то и того-то».

Когда-то я выиграл бутылку пива... Меня один знакомый спросил: «А почему А. Д. Сахаров в США всё время говорит о никому не известных частицах — орионах и бионах? У него есть новый экспериментальный материал, подтверждающий их наличие? Или он вычислил эти частицы на кончике пера?»

Я ответил, что Андрей Дмитриевич поверил одному астрологу, поведавшему великому физику, что Сахаров принадлежит к избранным. Что за избранными следит высоко-развитая цивилизация Ориона, и что эта ци-

визация передаёт избранным свои сигналы с помощью частиц, именуемых «орионы». А эти избранные общаются с обычными людьми с помощью частиц, именуемых «бионы». Шёл 1988 год — так, наверное, точно не помню.

Мы поспорили на бутылку пива. Мне вскоре позвонили и сказали: «Ты выиграл». Но орионы и бионы — это Terra Incognita. А консерватизм — устоявшееся понятие. Хочешь его курочить — говори о неоконсерватизме, консерватизме 2.0, 3.0 и так далее.

А теперь, читатель, ещё раз прочти то определение, которое дал Дмитрий Медведев. И ты обнаружишь следующее.

1) *Консерватор в качестве своего антипода, противоположности, может сопоставляться только с реакционером (выделено мною — С.К.).*

2) Реакционер — это тот, кто тащит назад (выделено мною — С.К.).

3) Любой консервативный метод в любой области знаний, в любой части общественной жизни — это метод, что называется, без крови (выделено мною — С.К.).

Кем был Аугусто Пиночет — диктатор, залитый Чили кровью? Он был либералом? Он был социалистом? Он был демократом? Он, конечно же, был консерватором. А испанский диктатор Франко? Он ведь никак не был либералом или социалистом. А множество разнокачественных латиноамериканских и азиатских диктаторов — одинаково кровавых? Ну и что после этого остаётся от пункта 3, он же третья часть процитированного мною высказывания Медведева?

Теперь возьмём пункты 1 и 2. Консерватор противостоит только реакционеру. А реакци-

онер — это тот, кто тащит назад. То есть консерватор не противостоит разрушителям традиционных ценностей? Он не противостоит шоковым реформаторам? Он не отстаивает традиционные ценности? Он не делает ставку на протекционизм? Он не является настороженным борцом против иноземных веяний? Да, он может с этими веяниями бороться достаточно мягко и тактично. А может бороться иначе. И тут проходит грань между разными типами консерватизма: радикальным, умеренным... Разными смешанными идеологиями — либерально-консервативной и так далее. Но взять и сказать, что консерватор — это гарантия от крови, и что противником консерватора является *только* реакционер — это нечто!

По поводу этого «нечто» немедленно высказалась Александра Самарина, главный по-

литический журналист «Независимой газеты».

В предыдущей статье я уже обратил внимание читателя на то, как именно восторгается А. Самарина медведевской трактовкой консерватизма, что А. Самарина хорошо держит нос по ветру, что она не зря назвала свою статью о медведевском консерватизме «Мартовские тезисы Дмитрия Медведева». Мол, если рубите фишку, то услышите меня — это всё, как «Апрельские тезисы» Ленина.

А теперь я процитирую Самарину более подробно.

«На вчерашней встрече с единороссами премьер Дмитрий Медведев по сути изменил понятие отечественного консерватизма (выделено мною — С.К.). На его взгляд, консерваторам в России противостоят не либералы, а реакционеры (выделено мною — С.К.).

... Долгое время «Единая Россия» противопоставляла себя либералам. Консервативный клуб депутата Госдумы Андрея Исаева, кажется, вообще видит смысл своего существования в травле «либералистов», которым «Макфол дал приказ». Народившаяся в партии «Либеральная платформа» с первых минут своего существования, в манифесте, обрушилась с резкой критикой на либералов — разрушителей общественного согласия...

Дмитрий Медведев в своей лекции, прочитанной в рамках партийного проекта ЕР «Гражданский университет», ни разу либералов не покритиковал (выделено мною — С.К.). ... Таким образом, подлинными врагами модернизации — и партии! — объявляются не «оранжевые» либералы, а противники демократии» (выделено

мною — С.К.)

А кем объявляются оранжевые? Другьями? Самарина утверждает, что вопрос, насколько партия к этому готова, «остаётся в стороне».

К чему готова? К расколу? К объединению своей либеральной части с оранжевыми? Об этом в моей следующей редакционной — и наиболее реакционной — статье.

Сергей Кургинян

Политическая война

От Поклонной до Колонного

Роль нашего движения в той политической войне, которая определяет облик современной России (продолжение — 9)

Настоящие точки духовно-волевой гравитации в ХХІ столетии будут возникать именно там, где сформируются коллективы, напряжённо работающие над синтезом, в котором найдётся место и диалектике (то есть классовой борьбе), и противодействию Зазеркалью (то есть политической герменевтике), и проблеме Огня (то есть политической метафизике и историческому проектированию)

XCIV.

Читатель ознакомился в предыдущем номере с откровениями одного высокопоставленного КПРФника — причём далеко не худшего. И убедился в том, что помимо высокопоставленного Штаба, который я по анало-

гии со штабом первой перестройки называю Штаб-2, есть ещё и шкурные причины, в силу которых КПРФ ведёт себя с «Сутью времени» определённым — для нравственных людей весьма загадочным — образом.

Шкурные причины — это из разряда коллективных интересов, то есть того, что я называю политической диалектикой. Коллективные интересы ведь всегда имеют ту или иную макросоциальную природу. Хотелось бы, чтобы классовую. Потому что только тогда можно говорить о настоящей политической диалектике. Той самой, которая анализировалась серьёзными специалистами по историческому и диалектическому материализму (историческому прежде всего).

Но где эти серьёзные специалисты по тем дисциплинам, которые в советскую пору назывались диамат и истмат? Начётчики от

диамата и истмата — преподаватели общественных наук в советских вузах, разного рода лекторы (общества «Знание» или ЦК КПСС) истоптали интеллектуальную поляну так, что на ней давно не произрастает ничего живого. А процесс регресса, запущенный негодьями-перестройщиками и превративший СССР в зону «Ч», привёл к такой варваризации общества — включая его вполне патриотическую и бескорыстную молодёжь, — что впору пожалеть об отсутствии даже самых кондовых специалистов по истмату и диамату.

Итак, есть классовые интересы. И именно их столкновение создаёт материальные предпосылки для разворачивания полномасштабного исторического процесса. Материальные — это значит экономические, социальные. То есть бытийственные в широком смысле сло-

ва. Ведь когда классики марксизма говорили, что «бытие определяет сознание», они имели в виду именно бытие, а не быт. И прежде всего, их интересовало социальное бытие, которое, как они считали, исчерпывающим образом формирует человека. («Человек — животное социальное», «человек смотрится в другого, как в зеркало» и так далее.)

Сформировал ли человека труд, как считал Энгельс, или язык, как считают другие большие учёные, вполне симпатизирующие историческому материализму? Или осознание смертности и ритуалы сопровождения покойника в мир иной, как считают другие — не обязательно, кстати, верящие в бога, крупнейшие специалисты?

Даже в ХХІ веке нет окончательного ответа на этот вопрос. Но все понимают роль социального бытия в формировании человека.

А если кто-то эту роль и недооценивал раньше — я вот, к примеру, её недооценивал и в этом раскаиваюсь, то теперь-то, оказавшись в зоне «Ч», мы все понимаем роль социального бытия, не правда ли? Мы видим массу искренних молодых людей — ужасающихся происходящему и стремящихся выйти из ловушки «Ч» — не способных к полноценной социальной коммуникации. То есть социопатичных в прямом и буквальном смысле этого слова. Их сделала такими зона «Ч». Они не получили опыта, позволяющего осуществить полноценную социализацию. Этот опыт дают семья, детский сад, первичные детские микрор группы (двор, улица), пионеротряды, комсомольская организация, поездки на картошку и стройотряды, турпоходы, разного рода кружки и так далее.

В советскую эпоху всё это существовало.

Оно носило несколько упрощённый характер. Излишним образом опекалось идеологически. Притом, что идеология была опять же слишком упрощена. Излишне прямолинейно навязывалось. И наконец, как всякое массовое явление, деформировалось на уровне связи между воспитуемыми и воспитателями. Попробуй, сформируй миллионы качественных воспитателей! Да ещё в условиях, когда наиболее престижными были иные профессии. Для молодых советских людей и в сталинскую, и в постсталинскую эпоху профессия учителя, а уж тем более педагога в детском саду или пионервожатого в пионерском лагере, отнюдь не была самой престижной. Гораздо престижней была профессия учёного, инженера, военного, деятеля культуры. . . Даже высококвалифицированного рабочего.

Потом — когда советское общество нача-

ло агонизировать (это почему-то называлось «позднесоветский застой»), возникли другие престижные профессии. Например, мясник. . . Или товаровед. . . Или продавец в комиссионном магазине (да и в любом магазине вообще). Но эта метаморфоза престижности (была такая драма «Смотрите, кто пришёл») говорила именно об агонии советского общества. О том, что формируется табун разного рода низкопробных особей, охочих до джинсов, жевательной резинки, дублёнок, жигулей улучшенного качества и так далее. Потом перестроечный Штаб, он же Штаб-1, мобилизовал вождение табуна на снос советского общества. И табун это общество снёс. После чего превратился в слой бомжей особого рода. Бомжей, обременённых суперпрестижным и глубоко патологичным потреблением: «Даёшь не джинсы, а «Бриони», не жеватель-

ную резинку, а сумасшедше дорогое вино, не дублёрку, а шубу за миллион евро, не жигуль, а мерс... нет, не мерс, а «Бентли»... нет, не «Бентли», а... а... а... а...»

Именуя себя элитой и вводя в оборот такие слова, как «элитные унита́зы», этот преуспевший табун не является элитой ни в хорошем, ни в плохом смысле этого слова. Повторяю, это огромный сверхпреуспевший бомжатник, способный только пожирать общество.

Омерзительно сопрягая свою глубочайше бомжовую природу со словом «элита», компрометируя это слово, наш бомжатник не даёт самым фактом своего существования разобратся в существе всех тех проблем, которые порождает процесс формирования элит. А ведь этот процесс с неумолимостью протекал и продолжает протекать во всех обществах. Никому никогда не удавалось отменить

этот процесс. Элиты формировались всегда. Вопрос лишь в том, как именно шёл процесс элитогенеза. К каким результатам приводил этот процесс. Когда он оборачивался вырождением обществ, а когда не оборачивался. Или оборачивался не сразу.

Я был бы счастлив, если бы мои внуки жили в обществе, где вообще нет элит. И я согласен с теми, кто говорит о том, что любые элиты, пусть даже самые позитивные, мягко говоря, небезопасны для общества. Но необходимо признать, что человечество не смогло за всю свою историю сформировать хоть одно общество, в котором бы не было элиты. И что замечательное советское общество, созданное людьми, мечтавшими об обществе без элит, сформировало свою элиту. Она же номенклатура. И что эта элита не захотела служить своему народу. То есть, конечно же, в

неё входили очень разные люди. Замечательные, в том числе. Но мы обсуждаем сейчас не отдельных людей, а социальную группу, именуемую «советская элита». Или — партийно-хозяйственная номенклатура.

Каково основное противоречие буржуазного общества? Задавая этот вопрос, я вновь возвращаюсь к социальной, классовой и иной диалектике, то бишь истмату и диамату без дураков. Это противоречие между трудом и капиталом.

А каким было основное противоречие советского социалистического постбуржуазного общества? Или это общество было лишено противоречий вообще? Но тогда оно не могло бы развиваться. Так каким же было основное противоречие реального советского социалистического постбуржуазного общества? Ведь отрицание наличия в нём определённых мас-

штабных противоречий означает отказ от его анализа с позиций всё того же истмата и диамата.

Знакомство с опытом советских обществоведов, пытавшихся выявлять ключевые противоречия своего общества, приводит к очень грустным выводам. А именно — к пониманию того, что эти обществоведы боялись и не могли обсуждать (а возможно, и выявлять) системообразующие противоречия того общества, в котором жили. И которое обязаны были подвергнуть концептуальной — теоретической или иной — рефлексии.

Не было такой полноценной рефлексии. А те, кто делал на неё заявку, очень быстро отправлялся либо в официальный отстой, либо на диссидентскую кухню. А также в связанные с этой кухней институты, руководимые Штабом-1.

Между тем, живя в советском обществе и видя то, что происходит вокруг, нетрудно было выявить ведущее противоречие, формирующее определённую структуру и динамику этого общества. Для этого не нужно было быть новым Гегелем. Достаточно очевидно было, что в советском постбуржуазном обществе место основного буржуазного противоречия — между трудом и капиталом — занимает противоречие между трудом и управлением. И что это противоречие следует из марксовского закона отчуждения.

Источник отчуждения — разделение труда. Преодолеть разделение труда, может быть, удастся на зрелых стадиях коммунизма. А до тех пор — разделённое кто-то будет соединять. И этот «кто-то» неизбежно становится элитой. Вне зависимости от своего желания, которое чаще всего имеется. Но даже

если его нет — закон обязательного заполнения некой элитной ниши носит неумолимый характер.

Эксплуатация — лишь наиболее примитивная форма отчуждения. Изгнав капиталистов — трудящиеся избавляются от эксплуатации, а не от отчуждения как такового. Они не могут избавиться от него до тех пор, пока не построен очень зрелый коммунизм. И уж, конечно же, они не могут избавиться от него до тех пор, пока живут в капиталистическом окружении.

Но даже если коммунизм победит на всём земном шаре... Даже если он начнёт двигать человечество по лестнице восхождения с невероятной, ранее невиданной триумфальностью (а ведь нужен-то коммунизм именно для того, чтобы обеспечить такое движение человечества)... Даже тогда полное преодо-

ление отчуждения не возникнет автоматически. И неизвестно — возникнет ли.

Итак, одно дело — мечтать о полном преодолении отчуждения и вытекающей из него неизбежности того или иного элитогенеза.

А другое дело — отрицать элитогенез, прекрасно понимая, что отчуждение в рамках советского социализма не преодолено. А в каком-то смысле — усилено.

Считаю необходимым подчеркнуть ещё раз: я глубоко уверен в том, что советский социализм — это самое прекрасное из всего, что создало человечество. И с каждым годом моя уверенность крепнет. Никакие изъяны советского социализма не могут поколебать этой моей уверенности — повторяю, крепнущей год от года. В советском обществе было больше благого, чем в любом другом. Советское общество было более справедливым,

духовным, социально полноценным, нежели любое другое. Но оно не было обществом преодоленного отчуждения. Обществом, движущими противоречиями которого стали только противоречия между человеком и природой, человеком и космосом и так далее.

Кстати, нет никаких теоретических доказательств того, что даже если движущие противоречия начнут носить такой характер, а все противоречия между людьми и группами будут сняты, отчуждение будет преодолено полностью.

Может быть, в этом случае оно и будет преодолено. И возникнет полная социальная, культурная и иная всечеловеческая гармония. Она же — симфония. А может быть, и нет.

Но пока что отчуждение нарастает. И отрицать необходимость влиять в подобной си-

туации на элитогенез может только дегенерат или провокатор. Ибо нарастание отчуждения в условиях непрозрачности элитогенеза и невозможности на этот элитогенез воздействовать уничтожит человечество в ближайшие десятилетия.

Вдумаемся — отказ от анализа элитогенеза и управления им означает только одно — что элитогенез приобретёт кошмарный характер. Будут перекрыты каналы вертикальной социальной мобильности. Возникнут условия для отрицательной селекции. Обществу будут навязаны чудовищные критерии элитного отбора. Возникнут элитные субкультуры, превращающие стремительно формирующиеся элиты в полноценного врага человечества.

А значит, отказ от анализа элитогенеза и управления им нужен только тем Штабам

(1, 2, 3, 4 и так далее), которые замыслили уничтожение человечества. То есть сначала произойдёт подчинение человечества элитам, формирующимся в условиях полной нетранспарентности — по собственным законам, отрицающим служение человечеству. Законом, основанным на презрении к человечеству. Законом, отрицающим единство рода человеческого и так далее.

А потом сформированная по этим законам элита, беспощадно подчинив себе человечество, начнёт это человечество уничтожать. Прошу прощения, оптимизировать его характеристики. Примерно так, как это делают зоотехники, оптимизируя параметры того или иного стада.

Вскоре (где-нибудь в 2040 году, а то и ранее) элитные социозоотехники обнаружат, что человеческое стадо, которое они пасут, то

бишь оптимизируют, нуждается не в сокращении, а в сведении к нулю. А что поделаешь, если выявлены оптимальные параметры этого стада, и они оказались строго равны нулю?

Для того чтобы Штаб, принимающий разные обличья, мог в итоге придти к данному якобы неизбежному выводу, нужно прекратить ускоренное развитие антропоса. Заменяв это развитие чем угодно: забавами по части комфорта, сексуальной, наркотической или иной распущенностью — словом, свободой, понимаемой как свобода от необходимости развиваться.

А поскольку ускоренное развитие антропоса возможно лишь при коммунизме (ещё раз повторяю, что коммунизм — это раскрепощение и пробуждение высших творческих способностей каждого человека и всего человечества) — то нужно разгромить коммунизм.

Одна из форм такого разгрома — дебилизация коммунизма. Если не можешь погасить в людях интерес к коммунизму, придай объекту этого интереса ущербный, дебильный, чудовищно упрощённый характер. Солги по поводу подлинного коммунизма и подбрось людям упрощённый суррогат. Если ты перед этим, задействовав технологии регресса (они же тараканы, они же Ч-технологии), организовал упрощение антропосов, то они ни за что не разберутся в том, чем подлинное и сложное отличается от упрощённых суррогатов.

Если гетто победит, то коммунизм, сформированный в гетто, станет самым страшным врагом подлинного коммунизма. Не допустить этого — значит идти по нашему пути от Поклонной к Колонному. Вот что значит идти под знаменем сложности, не имеющей никакого отношения к вымороченной игре в

бисер. К той сложности, которая открывает глаза на суть происходящего. К той сложности, которая вдохновляет, мобилизует, помогает выводить из «ада Ч» тех, кого туда низвергли ненавидящие народ элитные негодяи.

XCV.

Классовые интересы как то, что оказывает огромное воздействие на историю, — вот что изучает исторический материализм.

Диалектика — это борьба противоположностей. Исторический материализм становится диалектическим тогда, когда он ставит во главу угла борьбу противоположных классовых интересов. И называет эту борьбу противоречием, воздействующим на структуру и динамику социума. В буржуазном социуме основным противоречием такого рода яв-

ляется противоречие между трудом и капиталом.

В социалистическом советском социуме основным противоречием того же рода является противоречие между трудом и управлением.

Что из этого следует?

Что либо труд в итоге подчинит себе управление, либо управление подчинит себе труд. Но как труд может подчинить себе управление? Ведь управление, по определению, находится на более высоком иерархическом уровне, нежели труд.

Подчинить себе управление, следить за тем, чтобы это управление осуществлялось в интересах труда, класс трудящихся мог только в одном случае. Если бы сформировалась элита труда (она же — контрэлита), готовая служить классу трудящихся, а через это и

всему человечеству. Такая элита труда должна была бы, в отличие от массы трудящихся, преодолеть отчуждение от всего того, что связано, образно говоря, с «таинством управления». Мне скажут, что всех трудящихся можно приобщить к этому таинству. Да, можно. И именно этим хотел заниматься Богданов, создавая «Тектологию» (между прочим, первый вариант теории систем, что общепризнано). Богданов рассуждал так.

Передадим таинство управления (оно же Тектология) в руки трудящихся, и тогда трудящиеся смогут отследить махинации управленцев (менеджеров, инженеров и так далее). Отследив же эти махинации и будучи вооружёнными всем, что касается таинства управления, в том числе и таинством пресечения махинаций, трудящиеся сокрушат происки управленцев. И не дадут им превратить-

ся в отчуждённую от трудящихся элиту. При этом элита останется. Но она не превратится в свою противоположность, не станет врагом трудящихся. Почему? Потому что трудящиеся постигнут всё, включая таинство элитогенеза. Будут отслеживать процессы элитогенеза, управлять процессами элитогенеза. И потому смогут спасти коммунизм как царство труда от управленцев, желающих превратить красное царство труда в чёрное царство ненавидящего труд, элитарно отчуждённого от человечества кастового, ущербного управления.

Как политически должно осуществляться нечто подобное? Трудящиеся должны иметь субъект, защищающий их интересы — и даже нечто большее, чем интересы — от неизбежных происков управленцев. Притом, что неизбежность этих происков прямо вытекает

из тех законов исторического и диалектического материализма, которые профанировало советское обществоведение. Возникает закономерный вопрос: не для того ли оно их профанировало, чтобы трудящимся не стало очевидным всё сразу — и неизбежность происков со стороны управленцев, и необходимость противостоять этим проискам.

Так кто же должен был и разъяснять трудящимся неизбежность происков со стороны управленцев, и возглавлять борьбу трудящихся против этих происков?

Понятно, кто. Большевистская партия. Как её ни назови — РСДРП(б), ВКП(б) или КПСС. Если в капиталистическом обществе партия трудящихся должна бороться за переход от капитализма к социализму, то есть за решение политической задачи, а профсоюзы — отстаивать узкие экономические интере-

сы трудящихся, то в социалистическом обществе партия трудящихся должна бы была бороться за преодоление происков управленцев, за сохранение связи между управленцами и трудящимися. А профсоюзы должны бы были отстаивать узкие экономические интересы трудящихся, неизбежно ущемляемые управленцами. То есть необходим был союз настоящих профсоюзов (то есть профсоюзов, отстаивающих экономические интересы труда) и настоящей партии (то есть партии, отстаивающей политические интересы труда) против... Против кого?

Против касты управленцев, неизбежно заполнивших ту элитную нишу, в которой раньше находилась каста капиталистов. В этом состоит закон элитогенеза, вытекающий из закона отчуждения, согласно которому элитная ниша неуничтожима вплоть до полного сня-

тия отчуждения, возможного только на очень зрелых фазах коммунизма.

А вплоть до этого ниша будет заполняться кем-то. Либо теми, кто действует в интересах человечества... Либо — теми, кто это самое человечество сначала поработит, а потом и уничтожит.

А что сделала партия? Она превратилась в административно-хозяйственный актив, то есть номенклатуру. Тем самым она сама стала кастой управленцев. А на том месте, где была необходима партия труда, противостоящая политическим проискам управленцев, оказалась пустота. Такая же пустота оказалась на месте профсоюзов, которые должны бы были противостоять экономическим проискам управленцев. Управленцы оказались всесильными.

Добавим к этому отчуждение трудящих-

ся от знания об управлении, осуществлённое разного рода обществоведами, создавшими на месте подлинного истмата и диамата суррогаты. То есть упрощённые псевдознания, неспособные помочь трудящимся обнаружить происки управленцев, преодолеть эти происки. И так далее.

Перерождение управленцев и их превращение в касту, враждебную трудящимся, а значит, и народу — стало неотвратимо. Процесс этого перерождения мог быть более или менее длительным. Он, кстати, оказался достаточно длительным. Партия, превратившаяся из Великого Сторожа, дающего отпор проискам управленцев, в коллективного управленца — очень долго сохраняла верность трудящимся. То есть тот дух, который сделал её партией Великой Октябрьской социалистической революции. Ведь во имя

освобождения труда — и от ига капитала, и от ига отчуждённого от труда управления — и была совершена эта величайшая революция, спасительная и для России, и для всего человечества.

Совершавшие революцию люди прошли неимоверно тяжёлый путь. Они жертвовали собой во имя великой цели полного освобождения труда. Они гибли на каторгах, гнили в тюрьмах, всходили на эшафоты, вели солдат в штыковые атаки, претерпели страшные муки, не склонившись перед вчерашними господами. Эти люди не хотели становиться управленческой кастой. В их задачу никоим образом не входило заполнение элитной ниши, опустевшей после Великой Октябрьской социалистической революции.

Не их вождество заполняло эту нишу. Её заполняли неизбежные законы элитогене-

за. Заполнив нишу, жертвенные партийцы сопротивлялись духу, который источала эта самая ниша.

В фильме Иосифа Хейфица по роману Юрия Германа «Дорогой мой человек» старый партиец, ставший адмиралом, выходит на пенсию. И поселяется у своего сына, уже заражённого всеми соблазнами вульгарнейшей элитарности. Сын пытается выбить под заслуги папаши особую жилплощадь. Отец не сразу понимает, что вытворяет сынок. Но потом пионеры рассказывают ему о том, что их лишают дома пионеров для того, чтобы он мог получить роскошную жилплощадь.

Однако отец и тогда ещё не всё понимает. Понимает он всё до конца, когда его — страдающего сердечной болезнью — пытаются напоить лекарством из особого бокала. На котором есть вензель императора Николая II.

Отцу, небрежно поставившему бокал на стол, делают замечание. Мол, нельзя так относиться к драгоценному бокалу. Отец спрашивает, чем этот бокал драгоценен. Ему объясняют. Отец запускает стакан в физиономию сыну. Устраивает дикий скандал, уходит из дома. Ну и что?

Он ведь отец — ему уходить из жизни. А сын... Создатели фильма повествуют о некоем хэппи-энде, в рамках коего сына чуть ли не исключают из партии. Но понятно, что это сусальный хэппи-энд и не более.

Поколение жертвенных партийцев, оказавшееся в управленческой нише по необходимости (а как иначе можно было преодолеть чудовищную разруху и ускоренно строить индустриальную страну для победы над фашизмом?), либо заражалось всем тем, что несла в себе эта зловещая ниша. Либо, так и

не заразившись, умирало. Сталин умер, не заразившись. И что? Отменял ли его безусловный личный аскетизм законы элитогенеза? И могло ли их отметить хоть что-то?

В рамках выбранной модели превращения партии труда в партию управления ничто уже не могло спасти новых управленцев от негативной элитаризации. То есть от социального и политического оформления факта их управленческой отчуждённости от трудящихся.

Тем более что угроза такого отчуждения — абсолютно неизбежного в условиях увязания политической партии труда в административно-хозяйственной трясине управления этим трудом — замалчивалась советским обществоведением. Тем самым это обществоведение, скрывая от общества неизбежность конфликта между трудом и управ-

лением, добавляло к организационной немо-
щи трудящихся (ни тебе партии, защища-
ющей политические интересы труда, ни те-
бе профсоюзов, защищающих экономические
интересы труда) ещё и немоту самую страш-
ную — интеллектуальную. Она же интеллек-
туальная слепота.

Трудящиеся, лишённые инструментов,
позволяющих отстаивать свои интересы,
лишённые интеллектуального аппарата,
позволяющего эти инструменты осознать,
— были обречены. Отчуждение нарастало.
Его нарастание заражало общество виру-
сами неверия и разного рода вожделений.
Потребительских по форме и статусных по
своему содержанию («им — управленцам —
можно, а нам — трудящимся? нам нельзя?»).

Партия не имела права превращаться в касту
управленцев, то есть элиту. Партия должна

была оставаться орденом труда, то есть контрэлитой. Но партия не смогла или не захотела (а возможно, и не смогла, и не захотела) занять именно такую позицию. Она, по-видимому, даже не осознала в полной мере ни необходимости такого позиционирования, ни последствий его отсутствия.

Осознал же это Хомейни, создав особый Иран. В этом Иране духовная власть прямо заявила, что она является Контролёром, Наблюдателем, Корректором отношений между народом и элитой, в которую входят и буржуазия, и бюрократия. Осталась ли религиозная элита Ирана верна этой заявленной роли? Циркулирует много информации о буржуазном перерождении отдельных муллократов, якобы занимающихся кто чем: нефтью, сельхозпродукцией и так далее. Но одно дело — гримасы реальной жизни (буржуазное пере-

рождение, основанное на материальных соблазнах, всегда будет преследовать тех, кто осуществляет власть в любой её возможной модификации). А другое дело — функциональная схема.

Выбранная Хомейни схема (все, наверно, понимают, что я не являюсь сущностным её почитателем) была лишена — внимание! — *внутрисистемного рока*, вменяющего этой системе перерождение, именно в силу краеугольного принципа, заложенного в основу этой системы её создателями.

А схема, выбранная советскими коммунистами, была основана на этом *внутрисистемном роке*. Понимали ли это создатели системы? Ленин понимал. И потому писал статьи «О нашей революции» и «Как нам реорганизовать Рабкрин». Ленин-то как раз и пытался придать Рабкрин те функции, ко-

которые могли бы превратить её в орден труда. И этим сдержать системное перерождение, обуздать новую касту управленцев.

Сталин делегировал подобное обуздание не институту (Рабкрин, например), а личности. То есть себе самому. Он действительно обуздывал касту управленцев. И всем известно, какие именно он использовал для этого методы. Но Сталин умер. А каста управленцев, стремившаяся освободиться от подобного обуздания, сбросила узду как таковую.

Всё, что происходило дальше, было именно внутрисистемным роком. Противоречия между победившим трудом и разгромленным капиталом, превратившись в противоречие между победившим трудом и взявшим реванш управлением, должно было приобрести формы грубейшей капиталистической реставрации. Взявшее реванш управление должно

было поработить труд и превратить свой временный и обусловленный статусом гешефт в гешефт вечный и не обусловленный управленческим статусом. То есть в капитал.

Под вопли о диктатуре пролетариата управление разгромило труд и превратилось в капитал. Причём в капитал, лишённый всех присущих ему исторически перспективных свойств. И обладающий всеми своими чудовищными чертами в превосходной степени.

Значит ли это, что диктатура пролетариата в принципе не нужна или невозможна? Лично я так не считаю. Мне важно показать, что эта диктатура не может носить кастово-управленческого характера. Что она может быть лишь контрольной, коррекционной, наблюдающе-исправляющей. А должна ли она при этом быть диктатурой... Тут всё зависит от исторической ситуации. Субъект,

отстаивающий интересы труда и обуздывающий управление, стремящееся этот труд растоптать, должен ловить мышей. То есть реально обуздывать управление. Иногда он может делать это, используя диктатуру. Иногда, используя демократию. Тут всё, повторяю, зависит от ситуации.

Поскольку диктатура — это жёсткий метод, а жёсткий метод всегда даёт быстрые результаты и накапливает долговременные издержки, то лучше бы этого метода избегать. И в любом случае, им нельзя упиваться. Потому что издержки — это не шлаки производства, а погибшие люди. И тот, кто упивается технократизмом, переставая ощущать фундаментальность различия между издержками технического производства (потерями электроэнергии, засорением системы шлаками и так далее) и человеческими судьбами — амо-

рален. А тот, кто аморален, не может защищать интересы труда, интересы истории, интересы восходящего человечества.

ХСVI.

Моё развёрнутое размышление о судьбе СССР, законах исторического и диалектического материализма, и диалектическом начале вообще призвано восстановить баланс между политической прагматикой и политической метафизикой. А ведь именно такой баланс необходим, коль скоро мы обсуждаем судьбу своего движения и с позиций политической войны, и с позиций войны метафизической.

Для того чтобы баланс был полностью восстановлен, необходимо обратить внимание читателя ещё на три обстоятельства.

Обстоятельство №1 состоит в том, что истмат и диамат, анализируя классовые противоречия как источник исторического развития, всё сводят именно к этим противоречиям. Между тем, история — это далеко не только классовая борьба. Конечно, это, в том числе, и классовая борьба. Но всё к ней сводить столь же непродуктивно, как и отрицать её колоссальную роль в истории.

Существуют периоды, в которые — и Маркс этого вовсе не отрицал — пришедший к власти класс (он же элита) решает не только свои классовые, но и общеисторические задачи. Или, точнее, он не может решить свои классовые задачи, не решив задачи общеисторические. Если бы французская буржуазия, к примеру, начертала на своём знамени «даёшь обогащение» — она не продержалась бы и трёх дней. Но на её знамени было начертано

«свобода, равенство, братство».

Значит ли это, что она врала народу, выдавая свои корыстные интересы за интересы общенародные? То есть развивая те формы ложного сознания, которые часть марксистов отождествляет с идеологией. Конечно, нет.

Буржуазия не взялась бы оружие, если бы не уповала на возможность реализации своих фундаментальных интересов, носящих, безусловно, корыстный характер. Но освобождая себя для грабежа, она освобождала человечество для развития. И великие слова о свободе, равенстве и братстве не были пустыми словами для таких буржуа, как Марат, Дантон и Робеспьер. За пустые слова не жертвуют жизнью.

Во имя этого великого идеала — а не во имя мошны — жертвовали жизнью великие представители французского буржуазно-

го класса. История — это и классовая борьба, и тот нематериальный огонь всеохватывающей страсти по новому великому Идеалу, вне которого человечество не сможет да и не захочет жить.

Сводил ли Маркс всё содержание исторического процесса к классовой борьбе? Безусловно, нет. В этом убедится любой, кто прочитает хотя бы «Экономическо-философские рукописи». Да и «Капитал» тоже.

Говоря о том, что он не марксист, Маркс имел в виду именно несводимость исторического процесса к истмату и диамату. Да и к материальному началу вообще.

Для того чтобы подчеркнуть эту несводимость, вводились специальные термины: «вульгарный материализм», «вульгаризация марксизма» и так далее. Духовность и гуманизм не были чужды ни Марксу, ни его

великим последователям. Выкинуть это из марксизма стремятся те, кому нужно, чтобы Огонь погас и не возгорался снова никогда и ни при каких обстоятельствах. Тогда-то и произойдёт окончательная победа непрозрачных элит, относящихся ко всему оставшемуся человечеству как к сырью и обременению. Сначала по преимуществу как к сырью (что тоже обернётся чудовищными последствиями). А потом... потом окажется, что *это* сырьё уже не нужно в таких количествах. Да и так ли оно нужно вообще — это сырьё?

Обстоятельство №2 — когда мы говорим о том, как партия (РСДРП(б), ВКП(б), КПСС) превратилась из субъекта, призванного отстаивать интересы труда, в элементарнейший субъект управления, мы анализируем диалектику *исторического* процесса.

Если же анализировать а) не *историче-*

ские процессы, где есть классы и их противоречия, а *игры* элит, и б) не перерождение партии, а особую роль внутренних элитных спецслужбистских партий (прошу не путать со спецслужбами как таковыми), — то сам диалектический аппарат (то есть аппарат, в основе которого лежат классовые противоречия) оказывается недостаточен. Потому что классовые противоречия являются важнейшим слагаемым Истории. А в той игре, которая ведётся элитным спецслужбистским Зазеркальем (см. мою статью «Агенты и политика» — журнал «Россия XXI», №№1–2, 1998) речь идёт уже не о классовой борьбе, пусть и ведущейся в интересах класса господ, а о войне с Историей.

Повторяю — Зазеркалье нельзя анализировать с использованием диалектических методов, позволяющих познать историческую

динамику. Зазеркалью на историческую динамику наплевать. Оно полно решимости историческую динамику изничтожить. А потому методы познания исторической динамики не раскрывают содержание зазеркальских — крайне специфических и безусловно контристорических — игр. Как не раскрывают законы Ньютона содержание процессов, происходящих в квантовом и субквантовом мире.

Значит ли это, что мы должны перестать уважать законы Ньютона? Нет. Это значит, что нам нужен синтез диалектики и герменевтики, о чём я уже говорил в предыдущих статьях. И что как бы ни были важны наши практические задачи, задачи по просвещению масс, мы не должны прекращать разработку этого синтеза. А разрабатывая, мы должны передавать его человечеству.

Я уже писал и о том, что и я, и мои бли-

жайшие соратники, они же пресловутый ЭТЦ — заняты именно этим. То бишь разработкой вышеназванного синтеза и преодолением тех препятствий, которые не позволяют освоить этот синтез тем, кто стремится освободиться, то есть преодолеть губительную «ситуацию Ч».

Я уже писал и о том, что этим обязательно будут кроме нас заниматься и другие. А также о том, что такие занятия создают точки духовно-волевой гравитации, что я считаю наиважнейшим для преодоления рока «Ч».

Обстоятельство №3 — если речь идёт ещё и об Огне, то есть о народе, воспламеняемом великими идеалами, а не только отстаивающим свои классовые интересы... Если без этого Огня нет истории, нет исторических проектов, нет гуманизма и восхождения, то мы должны исследовать не только клас-

сы, применяя диалектический метод, и спец-элиты, применяя метод политической герменевтики, но и Огонь. А его исследовать нельзя ни диалектическими, ни герменевтическими методами. Его можно исследовать только методами метафизическими и историко-проектными.

Настоящие точки духовно-волевой гравитации в XXI столетии будут возникать именно там, где сформируются коллективы, напряжённо работающие над синтезом, в котором найдётся место и диалектике (то есть классовой борьбе), и противодействию Зазеркалью (то есть политической герменевтике), и проблеме Огня (то есть политической метафизике и историческому проектированию).

Именно такая интеллектуальная деятельность была предложена мной тем, кто собирается в «Суть времени». Перечитайте «Суть

времени», она посвящена именно этому. А поскольку мало интеллектуальной деятельности, а нужна ещё и деятельность политическая, то «Суть времени» положила в основу принцип соединения вышеописанного интеллектуального синтеза (диалектика+герметевтика+метафизика) и — гражданского активизма. Вот путь, по которому мы идём.

Поднятое нами знамя сложности — это знамя синтеза диалектики, познающей социальную динамику через выявление ключевых противоречий, политической герменевтики, проникающей в нетранспарентное Зазеркалье, и политической метафизики, верящей в духовно воспламенённый народ, в зиждительную силу нового исторического идеала.

Если из этого органического сплава вы-

падет хоть одно слагаемое, если этот сплав не будет достаточно органичен — шансы на спасение человечества в ХХI столетии строго равны нулю.

Провозглашённый нами принцип политической и гражданской активности — это:

— и Поклонная, где мы дали отпор разрушителям Отечества.

— и Колонный зал, где мы дали отпор организаторам будущей оккупации России, организаторам её расчеловечивания, охотникам за её детьми, поклонникам всех и всяческих извращений.

Противодействуя разрушителям Отечества, мы исходим из того, что Россия — это катехон, то есть то, что удерживает человечество от падения в Бездну, это источник нового слова, спасительного для человечества. И это наша любимая Родина.

Противодействуя ювенальной юстиции, системной и разнокачественной охоте за нашими детьми, осуществлению деградации под видом реформы образования, социциду, культурной деградации — мы верим в новую великую Россию, то есть в СССР 2.0. Мы верим в триумфальное восхождение человека и человечества. То есть в подлинный коммунизм.

XCVII.

Согласитесь, что при такой масштабной заявке рассуждения моего высокопоставленного собеседника из КПРФ «вы, мол, наш главный конкурент, и мы вас будем за это уничтожать» — это суррогатный диалектизм. То есть тот диалектизм, в котором речь уже идёт даже не о классах только и не только о классовых интересах (ведь у классов есть,

как мы понимаем, не только интересы; только интересы есть у коров). Нет, тут речь идёт об интересах «корпорации КПРФ», а не класса и не страны. И об интересах тупейших, вульгарнейших.

Итак, мы разобрали эти — именно наивульгарнейшие и наитупейшие — интересы. То есть поговорили о суррогатном диалектизме. Поскольку нами на вооружение взят принцип гражданской активности, да и политической активности вообще, мы не можем это не обсудить. Иначе какая политическая война?

Мы разобрали также ту игру против нас, которую ведёт Штаб-2. Не разобрав это, пусть и пунктирно (у газетного жанра есть своя неумолимая специфика), мы бы не поняли ничего. А что-то понять в природе действий Штаба-2 можно, только вооружившись по-

литической герменевтикой. Тут, повторяю, классическая классовая теория перестаёт работать так же, как перестают работать законы Ньютона в атомном или субатомном мире.

И наконец, мы оговорили прерогативы Огня. А значит, Истории, гуманизма и многого другого. Ведь именно Огонь, а не классовую борьбу и не игры Зазеркалья, обсуждает Слуцкий, заявляя: *«И суровое наше сознание/ Диктовало пути Бытию...»*

Мы установили, что тайну Огня может раскрыть только политическая метафизика. И что без прикосновения к этой тайне мы ничего не поймём и ничего не сможем.

Установив всё это, мы можем двигаться дальше.

ХСVIII.

Итак, первая причина, по которой нас ата-

кует КПРФ, носит герменевтический характер. Штаб-2 отдаёт приказания и КПРФ, и Сванидзе. Когда этот Штаб говорит: «Пли по Кургиняну», — КПРФ исполняет приказ беспрекословно. Так же, как Сванидзе.

Но у Сванидзе есть свой мотив для войны с Кургиняном. Сванидзе ненавидит коммунизм (а также всё советское и так далее), а Кургинян этот коммунизм (а также всё советское и так далее) небезуспешно отстаивает.

У КПРФ этого мотива или нет (у многих его действительно нет), или же... Или же отдельные продвинутые члены КПРФ, ненавидя коммунизм (а также всё советское и так далее) ничуть не меньше, чем Сванидзе, должны, в отличие от Сванидзе, эту ненависть скрывать до лучших времён.

Итак, вторая причина, по которой КПРФ и Сванидзе воюют с «Сутью Времени» и ва-

шим покорным слугой, формально не может быть одной и той же у Сванидзе и Зюганова.

Вторая причина, по которой Зюганов воюет с нами, проста как мычание. И полностью исчерпывается тем, что я изложил, живописуя мой разговор в самолёте с высокопоставленным КПРФником.

Эту причину нельзя обсуждать без внутреннего стыда. КПРФ, видите ли, видит в нас просто очень сильного и эффективного конкурента. Только поэтому они вопреки всякой логике разбирали передачу «Суд времени» на страницах своей печати, вообще не упоминая Кургиняна. И их не мучила совесть по причине её очевидного отсутствия.

Что же касается третьей причины, намного более важной, чем две первые, то о ней — в следующей статье.

Сергей Кургинян

Экономическая война

Торговые войны — 7. От СССР — к перестройке. Часть I

Коварное объединение двух моделей: модели обеспечения гражданского сектора по остаточному принципу и модели перекрытия перетока технологий в этот сектор из ВПК — породило страшную, тупиковую ситуацию

Рассмотренные в предыдущей статье решения партийного и хозяйственного руководства СССР о существенном переносе акцента во внешней торговле на валютное обеспечение за счёт массированного экспорта сырья (прежде всего, нефти) и вооружений — не могли не снизить «торгово-военную устойчивость» нашей страны.

В то же время, конечно, полной ложью являются рассуждения зарубежных и наших «доброжелателей» о том, что ничего качественного и современного «для народа» и экспорта советская экономика тогда не производила. Принятые в середине 1960-х годов государственные решения об инвестиционной «подпитке» сельского хозяйства и производства предметов потребления дали серьёзные результаты — выход на самообеспечение страны основным продовольствием и товарами

первой необходимости вполне приемлемого потребительского качества.

Кроме того, на внутренний рынок страны и на экспорт — и не только в страны СЭВ — шли товары, разработанные и изготовленные с участием мощных, хорошо оснащённых и современных структур военно-промышленного комплекса страны и машиностроительных отраслей (от радиоприёмников, телевизоров, холодильников и стиральных машин до современных станков и прокатных станов). Которые, редко имея особо привлекательный дизайн, были — в отличие от большинства аналогичной импортной продукции — очень надёжными и долговечными. С 1970-х гг. доля машин и оборудования в советском экспорте постоянно составляла весомые 15–18%.

Темпы роста советского ВВП в 1970-х го-

дах оказывались выше, чем у конкурентов из «капиталистического» блока, уровень и качество жизни большинства населения СССР непрерывно росли, а внешнеторговый баланс страны (соотношение экспорта и импорта) был устойчиво положительным.

Тем не менее, ставка на сырьевой и оружейный экспорт, позволив решить главные проблемы обеспечения населения необходимой импортной потребительской продукцией, во многом затормозила технологическое развитие «неприоритетных» отраслей экономики страны (в том числе, сельского хозяйства, инфраструктуры автомобильных и железных дорог и ряда ключевых промышленных отраслей) — прежде всего, в пользу ВПК.

Это отчётливо отражалось в том, что «гонка вооружений» в СССР развивалась — далеко не всегда оправданно — одновремен-

но по двум крайне затратным направлениям. Параллельно шли и крупномасштабное производство новых типов «традиционного» (авиационного, морского, танкового, артиллерийского, стрелкового и т.п.) оружия, и крупномасштабное производство новых типов ракетного, ядерного, противоракетного и т.д. оружия и систем их применения.

Денег на столь масштабные военные программы СССР хватало главным образом благодаря тому, что после войны Египта и Сирии с Израилем в 1973 г. арабские нефтедобывающие страны, входящие в нефтяной картель ОПЕК, фактически начали «торговую нефтяную войну» против США и стран Европы, поддержавших Израиль. Америке было объявлено нефтяное эмбарго, Европе — очень крупные нефтяные «наценки».

В результате за три месяца с ноября 1973 г.

От СССР — к перестройке. Часть I 81
(начало эмбарго) мировые цены на нефть «взлетели» с \$3/барр до \$12/барр и росли далее. Некоторые «злые языки» на Западе до сих пор считают, что и эта война, развязанная против Израиля арабскими союзниками СССР, и последующий рост мировых цен на нефть — были торгово-экономической «спецоперацией» Советского Союза, который в тот момент активно выходил с экспортом своей «большой нефти» на европейские рынки.

Именно относительное «изобилие» советского внешнеторгового баланса, возникшее в результате нефтяного ценового скачка 1970-х, плюс непрерывно возрастающие в послесталинскую эпоху аппетиты «военных» властно-элитных кланов предопределили возможность финансирования столь масштабных и широких программ советского ВПК.

«Невоенные» хозяйственные отраслевые кланы также нередко «вбухивали» огромные средства в малоэффективные проекты вроде «заводов на голом месте», куда было невозможно ввиду отсутствия инфраструктуры для жизни набрать квалифицированный производственный персонал. Но ВПК становился — прежде всего, на деньги от нефтяного и оружейного экспорта — своего рода «государством в государстве». Всё более изолированным — и своей особой ролью в обеспечении безопасности страны, и (часто совершенно неоправданной) секретностью — от остальной экономики. В результате все лучшие (инвестиционные, материальные, кадровые) ресурсы концентрировались в основном в ВПК, а другим отраслям доставались «по остаточному принципу».

Наши либералы наговорили сорок бочек

арестантов о том, что одного этого остаточного принципа было достаточно, чтобы неминуемо разрушить советскую экономику. Но это, безусловно, не так.

Я вовсе не хочу сказать, что модель остаточного принципа была наиболее эффективна. Однако главное было не в этом. Если бы эта модель обеспечивала передачу новых технологий, создаваемых в советском ВПК, в гражданский сектор, мы бы жили сейчас при развитом социализме.

Возможно, были и более эффективные решения. Я не хочу здесь это обсуждать. Пока же никто из тех, кто исследовал эту очень сложную тему, убедительных доказательств преимущества других решений не предъявил.

Для нас же очевидно другое, что если бы остаточный принцип обеспечения гражданских отраслей дополнялся передачей в эти от-

расли разработанных в ВПК новых технологий, — всё было бы в порядке. Однако кто-то зачем-то этот канал перекрыл. Ссылаясь на секретность, разумеется.

Причём тут секретность? Разве американцы не передавали свои технологии из ВПК в гражданскую сферу? Разве это мешало им охранять военные секреты? Нет, дело было в чём-то другом. И приходится признать, как это ни печально, что кому-то захотелось перекрыть технологический кровоток между ВПК и гражданским сектором для ослабления советской экономики.

Да, если бы гражданский сектор развивали не по остаточному принципу, такое перекрытие не было бы столь опасным. Но если для него была выбрана «остаточная» модель — как можно было перекрывать последний спасительный канал перетока тех-

нологий? Приходится признать, что это могло произойти только в одном случае — если очень умные разрушители, ссылаясь на секретность, подхлестывали раж дураков и параноиков.

Именно коварное объединение *двух* моделей: модели обеспечения гражданского сектора по остаточному принципу и модели перекрытия перетока технологий в этот сектор из ВПК — породило страшную, тупиковую ситуацию. Не имея достаточных ресурсов для собственного технологического развития (в том числе, для инвестиций в передовые НИР и НИОКР), гражданские отрасли были вынуждены в очень большой мере ориентироваться на фактическое копирование технологий, созданных на Западе, или просто на закупки западного оборудования.

Однако чаще всего получить такое обору-

дование и технологии наиболее современного уровня оказывалось трудно или просто невозможно.

Ещё в 1949 г., в момент развёртывания холодной войны против СССР и «советского блока», «клуб» западных стран по инициативе США учредил «Координационный комитет по экспортному контролю» (КОКОМ), призванный ограничивать торговлю с «Сове-тами». Это была открытая торговая война. КОКОМ, куда вошли практически все страны НАТО, регулярно составлял и уточнял списки «стратегических» технологий и про-дукции, запрещённых к экспорту в страны «восточного блока», и контролировал соблю-дение этих запретов.

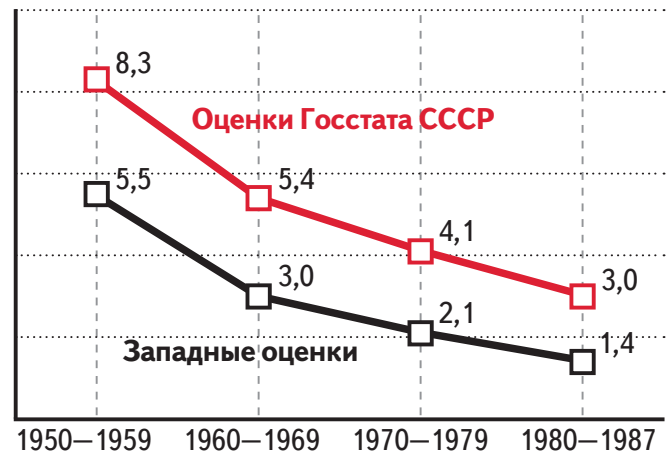
В 1970-х годах, на фоне роста экономи-ческой и военной мощи СССР (и, добавим, кризиса на Западе, в том числе связанно-

От СССР — к перестройке. Часть I 87

го с резким ростом цен на нефть), списки КОКОМ последовательно расширялись, а соблюдение запретов ужесточалось. И в результате «невоенные» отрасли советской экономики могли получать с Запада только оборудование и технологии, так сказать, второй свежести. Что консервировало или даже усугубляло технологическое отставание «мирных» отраслей нашей промышленности. И отчётливо отражалось в снижении важнейшего показателя глобальной (в том числе, экспортной) конкурентоспособности — темпов роста производительности труда.

Так, по данным опубликованных на рубеже 1990 г. анализов развития советской экономики (сопоставление данных официальной советской статистики с западными оценками), среднегодовые темпы роста производительности труда в СССР (в %) менялись сле-

дующим образом:

Из этого графика — даже если ориентироваться на официальную советскую статистику — видно, что темпы роста производительности труда в СССР начиная с 1970-х годов были не выше, чем у наших основных «западных» конкурентов (там — в среднем 3–4%), и

существенно ниже, чем у быстро набравших силу в этот период Японии и азиатских «тигров» (там — в среднем более 6%).

В результате конкурентоспособность многих советских экспортных товаров (за исключением сырьевого и военного экспорта, а также части продукции высокотехнологичного машиностроения и станкостроения) снижалась не только на «капиталистических» рынках, но и на рынках «дружественных» стран СЭВ. То есть, поздний СССР постепенно проигрывал соревнование с капиталистическим миром в глобальной торговой конкуренции.

А на рубеже 1970–80-х гг. Запад решил развязать против СССР системную войну на всех фронтах.

Началась эта война на мироустроительном фронте. Как сейчас уже описано в многочисленных публикациях, в этот момент и

в США, и в Европе была сделана серьезная ставка на идею Збигнева Бжезинского о давлении на СССР через создание «исламской дуги нестабильности» на южных границах (то, что Бжезинский называл «советским южным подбрюшьем»).

В январе–апреле 1979 г. в Иране вполне лояльный к СССР шахский режим сменился радикально-исламистским режимом Хомейни, сразу объявившим СССР «вторым» (после США) «шайтаном» (то есть, дьяволом), и начавшим политические и военные провокации не только на советской границе, но и в республиках Средней Азии.

Революция в Иране, 1979 г.

В Афганистане с осени 1978 г. развернулся острый конфликт между этноплеменными фракциями правящей Народно-демократической партии Афганистана: преимущественно пуштунской «Хальк» («Народ») и преимущественно таджикской «Парчам» («Знамя»). Причём в начале 1979 г.

США (как позже признал сам Бжезинский, по его инициативе) и Саудовская Аравия начали через Пакистан массированные поставки в Афганистан оружия. В стране разгоралась ожесточённая гражданская война с отчётливым исламистским «запахом».

Советское руководство сразу поняло как связь событий в Иране и Афганистане, так и то, что они представляют для СССР одновременно идеологическую, политическую и военную угрозу. И в декабре 1979 г. приняло решение о вводе советских войск в Афганистан.

В 1980 г. в Польше, к этому моменту охваченной глубоким экономическим кризисом и влезшей в крупные долги перед западными кредиторами, возникли (вначале на Гданьской судовой верфи, а затем и в других отраслях, в том числе угольной и металлургической) крупные забастовки. Которые сразу по-

лучили политическую поддержку Ватикана (благодаря недавно избранному Папой польскому кардиналу Каролу Войтыле) и США. Эти забастовки быстро переросли в массовое антивластное профсоюзное движение «Солидарность», дополнившее экономический кризис кризисом политическим.

В результате с начала 1980-х годов советские валютные поступления от экспорта пришлось в нарастающих масштабах тратить и на укрепление границы с Ираном в Туркмении и Узбекистане, и на ведение войны в Афганистане, и на валютную подпитку Польши, оказавшейся на грани социально-политического взрыва. По имеющимся оценкам, с 1981 г. СССР тратил на афганскую войну от 3,5 до 5 млрд долларов в год, а на экономическую помощь Польше (а затем Чехословакии и другим кризисным странам СЭВ)

— от 2 до 4 млрд долларов в год.

А в начале 1981 г. на президентский пост в США вступил Рональд Рейган, истово ненавидевший Советский Союз и прямо называвший его «империей зла». В команду Рейгана вице-президентом вошёл бывший глава ЦРУ Джордж Буш-старший, министерство обороны возглавил Каспар Уайнбергер, а ЦРУ — Уильям Кейси.

Эта команда поставила своей прямой и приоритетной целью уничтожение СССР преимущественно экономическими методами. Кейси, который стал чуть ли не основным идеологом и «мотором» данного проекта, сформулировал задачу так: *«Большая тайная война, чтобы разорить Советы»*.

Сейчас основные этапы и направления этой тайной американской войны против СССР уже достаточно детально раскрыли

многие исследователи. В том числе американские, которые сделали это с явной гордостью за ошеломляющий успех своей страны. Одно из наиболее полных описаний этой войны принадлежит Петеру Швейцеру (книга «Victory. Роль тайной стратегии администрации США в распаде Советского Союза и социалистического лагеря»).

О том, как разворачивалась эта война, и к чему привела — в следующей статье.

Юрий Бялый

Информационно- психологическая война

Бахтин в Мордовии

— 2

«Питерские мэтры» в диалог с реалиями сегодняшнего дня не вступали. Они, по Аверинцеву, строили диалог с «Культурой Вечности» поверх сегодняшних (то есть советских) реалий

Давайте отвлечёмся на время от злоключений, постигших Бахтина в Саранске в 1937

году. И ознакомимся с описанием некоего круга «носителей старой культурной традиции Петербурга» (круга, как мы увидим, близко-го к Бахтину), предложенным С. С. Аверинцевым. А уже после этого вновь вернёмся к саранскому эпизоду.

Сам Аверинцев — оппонент Бахтина в вопросе о смеховой культуре — относился к советскому довольно сложно. И с подчёркнутым уважением относился к Бахтину и его непростой судьбе. Что не помешало ему в годы перестройки, когда бахтинская идея о раскрепощающем и освобождающем значении смеха и Низа получила столь зловеще-гротескное воплощение, в резкой форме выразить неприятие этой идеи.

В докладе «Опыт петербургской интеллигенции в советские годы — по личным впечатлениям» (2003 г.) Аверинцев рассказывает

о хорошо знакомом ему петербургском «замкнутом круге более или менее нонконформистской интеллигенции, ориентированной на старые культурные парадигмы и уже постольку более или менее оппозиционной». Представителей данного круга он характеризует как «настоящих жрецов науки, которые казались людьми иной породы, последними гражданами затонувшей Атлантиды...» (Вспомним определение, которое дал Бахтину С. Бочаров: «из другого теста».)

Насколько же меркли на фоне этой «иной породы» московские интеллигенты «несоветского или хотя бы не-совсем-советского типа»! «В глазах лучших среди наших московских наставников читалась печально-ироническая оглядка на реальность сегодняшнего дня... и неизбеж-

ная попытка отмерить, что́ при данных обстоятельствах ещё можно (и должно!) сделать, а на какие прежние устои следует махнуть рукой».

«Питерские мэтры» в диалог с реалиями сегодняшнего дня не вступали. Они, по Аверинцеву, строили диалог с *«Культурой Вечности»* поверх сегодняшних (то есть советских) реалий. Но при этом, однако, занимали отнюдь не последнее место в советском научном сообществе.

Кто же входил в замкнутый круг «питерских мэтров», почти поголовно прошедших через ГУЛАГ, к которым молодой москвич Аверинцев ездил за *«инициацией в мистерии Петрополиса»*? *«Вот неполный список: Дмитрий Сергеевич Лихачёв и Иосиф Давыдович Амусин, Аристид Иванович Доватур и Андрей Николаевич Егунов...»*

Аристид Доватур

Особняком в этом списке стоит И. Д. Амусин — как сообщает Аверинцев, интереснейшие беседы с ним были посвящены Кумрану и иудаике (Амусин — крупный специалист по рукописям Мёртвого моря) и не имели специально к Петербургу «никакого касательства».

Обладатели же трёх других имён из указанного списка (они-то, по-видимому, и посвящали Аверинцева в «мистерии Петрополиса»), безусловно, в 1920-е гг. находились с Бахтиным в одном духовном и идейном поле. А. И. Доватур делился с Аверинцевым своими воспоминаниями о Константине Вагинове. Знал Вагинова и А. Н. Егунов. (Доватур и Егунов создали в своё время кружок любителей античной литературы АБДЕМ, а Вагинов взаимодействовал с АБДЕМом).

Вагинов, прозаик и поэт, с 1924 г. входил в так называемый «круг Бахтина». Мно-

гих участников этого круга он сделал позже прототипами своего романа «Козлиная песнь», выведя самого Бахтина в образе Философа. Для героев «Козлиной песни» их родной город превратился в город *«кончившейся мечты»*. Они окружены враждебным миром тех, кто согласился существовать по законам нового времени. Себя они, укрывшись в деревянной петергофской даче-башне, мыслят таким островком Ренессанса (явный отсыл к знаменитой «Башне» поэта-символиста Вячеслава Иванова, к которому «круг Бахтина» относился с большим интересом; в «Башне Вячеслава Иванова» после революции 1905 года собиралась творческая петербургская интеллигенция, отгородившаяся от *«грубой реальности»* и проповедовавшая *«неслиянность»* с толпой).

Доватур и Егунов были знакомы и с са-

мим Бахтиным: он, как и Вагинов, посещал занятия АБДЕМа.

Упомянутый Аверинцевым в списке «питерских мэтров» Д. С. Лихачёв тоже в 1920-е лично знал Бахтина. Оба они входили в кружок «Хельфернак» («Художественная философская религиозно-литературная академия»). Позже «Хельфернак» был переименован в «Братство Серафима Саровского». К моменту ареста в 1928 г. Бахтин состоял в организации «Воскресение», а не в «Братстве». Но «Воскресение» поддерживало связи с «Братством».

Я уже приводила в одной из статей свидетельство С. Бочарова о том, что Бахтин до самой кончины не расставался с образом Серафима Саровского. Адресует ли нас этот образок только к тому, что Бахтин почитал Серафима Саровского? Или также и к структу-

ре «Братство Серафима Саровского»? А что это за структура?

Приведу цитату из «Обвинительного заключения по следственному делу №108» — делу «Воскресения», в котором содержится и характеристика «Братства». В 1927 г. Д. С. Лихачёв, П. П. Мошков и ещё ряд членов «Братства Серафима Саровского» создали кружок под названием «Космическая Академия Наук» (КАН). Лихачёв впоследствии утверждал, что вся деятельность КАН носила исключительно шуточный характер. Однако, как указывается в обвинительном заключении, КАН занималась, в том числе, политическими вопросами: *«Доклад Мошкова о засилии евреев в России «Евреи и Россия» ... сравнивал совласть с властью «еврейского кагала», доказывал, что нынешние Советы (форма правления в*

СССР) не русские, а еврейские учреждения, что революция в России является попыткой евреев доказать своё могущество на одном из современных европейских государств...». В КАН принимались только «наиболее подходящие по «мысли и духу», т.е. люди, считающие, что в «России царит теперь невероятный в мировой истории гнёт и насилие над живой мыслью под редакцией жидовствующих чекистов».

Кожин обмолвился однажды, что саранский эпизод биографии Бахтина (речь идёт о 1940-х–1950-х гг.) может кому-то показаться странным. Вроде разгар сталинской эпохи, однако человек, имеющий статью за контрреволюционную деятельность, не только находится на свободе, но и допущен к преподавательской работе в вузе. Завершает Кожин свою мысль так: «Тогдашняя ситу-

ация в стране была намного более сложной, чем изображается ныне в средствах массовой информации. В ходе жестоких репрессий имели место «неожиданные», пока ещё не понятые до конца отклонения».

Что имеет в виду Кожин? Пояснения находим у него самого. Виднейшие представители гуманитарных наук: философы А. Лосев, С. Дурылин, историки С. Бахрушин, С. Веселовский, Б. Греков, Е. Тарле, Н. Пигулевская (проходившая по делу «Воскресения» вместе с Бахтиным), филолог В. Виноградов и другие, арестованные на рубеже 1920-х–1930-х гг., были обвинены, в частности, в «русском национализме». *«Однако в середине 1930-х годов они были возвращены к работе (а почти все их гонители, напротив, репрессированы) и вскоре стали академика-*

ми, членами-корреспондентами, профессорами, орденоносцами и т.п.». (О стремительной научной карьере Пигулевской после освобождения в 1934 г. я уже писала.)

Так вот, по версии Кожинова, сложность ситуации, ускользающая от массового понимания, заключается в том, что Сталин к этим гонениям отношения не имел. Напротив, именно он и восстановил потом справедливость, в некотором смысле нарушив собственную красную монологичность и вступив в диалог с представителями этой самой «старой культурной традиции». Истинный гонитель — Бухарин, в руках которого с 1925 по 1929 гг. была сосредоточена «вся идеологическая жизнь». В январе 1928 г. Бухарин, объявив о необходимости немедленной научной революции, *«произвёл по существу ревизию отношения Ленина к буржуазным*

специалистам», — пишет Кожин. По Бухарину, марксизм успел к концу 1920-х проникнуть «до самая святая святых прежней культуры, переделывая её по своему образу и подобию». А потому время буржуазных специалистов — истекло.

Кожин настаивает, что именно этот доклад Бухарина положил начало масштабным репрессиям в Академии наук. Бахтин, по его словам, *«видел совершенно ясно, что Дело «Воскресения» неразрывно связано с Дело АН... Гонения на культуру начались с Дела «Воскресения». Затем последовал разгром АН».*

Почему же осуждённые по «Делу АН» спустя некоторое время *«вернулись в академию и получали за свою работу всяческие премии»?* «Часто они не отбывали положенные сроки. Тот же Тарле вернулся в

Ленинград и уже в 1935 году издал книгу».

Причину такого поворота Кожинов видит в закате политической звезды Бухарина.

Действительно, Бухарин разошёлся в 1928 г. с линией партии по вопросу о форсированной коллективизации и индустриализации, назвав сталинский подход «авантюристическим». И в 1929 г. был снят со всех занимаемых постов и выведен из Политбюро ЦК (инициированные им дела «Воскресения» и АН по инерции развивались). В 1930-х Бухарину удалось частично восстановить позиции. Но в 1936 г. в ходе процесса над Зиновьевым и Каменевым он был обвинён в создании «правого блока». А в 1938 г. оказался одним из главных фигурантов на процессе по делу «Анτισоветского правотроцкистского блока».

О чём, по сути, говорит Кожинов? О том,

что Сталин остановил *«всевластие большевистского «еврейского кагала»*. И вступил в диалог с представителями *«старой традиции»*, пропитанными, в том числе, духом *«русского национализма»*. И что многие из тех, кто только что был *«жертвой режима»* (и продолжал в глазах окружающих оставаться таковой в течение многих лет), при указанном повороте оказались выведены из разряда *«жертв»*. И что если не иметь всего этого в виду, пребывание Бахтина в Мордовии выглядит цепочкой необъяснимых странностей.

Мы уже говорили в прошлой статье, что, прибыв в 1936 г. в Саранск, Бахтин оказался в эпицентре конфликта. Что столкновение декана литфака Г. Петрова (который помог Бахтину устроиться на работу в институт) и декана физмата, секретаря парткома

МГПИ П. Ерёмина завершилось увольнением Петрова и его отъездом в Ленинград (Бахтин тем самым лишился своего покровителя). Что далее Ерёмин переключился на директора МГПИ А. Антонова, обвинив его в том, что он без согласования с парторганизацией института принял на работу Бахтина — *«человека с контрреволюционным прошлым»*. Что в феврале 1937 г. партсобрание института приняло постановление о немедленном увольнении Бахтина. И что Антонов отказался выполнить данное постановление, хотя вряд ли не осознавал, что такой отказ в 1937 году чреват последствиями.

Дальнейший сюжет выглядит странно. В марте 1937 г. Бахтин сам написал на имя директора Антонова заявление с просьбой уволить его из института в связи с обострением болезни. Но лишь 5 июня 1937 г. Анто-

нов выпустил приказ об увольнении Бахтина с формулировкой «за допущение в преподавании всеобщей литературы буржуазного объективизма». Увольнение в 1937 году с такой статьёй ничего хорошего Бахтину не сулило.

Ещё одна странность — Антонов уволил Бахтина вопреки указанию уполномоченного НКВД, потребовавшего повременить со снятием Бахтина. То есть пошёл на обострение отношений уже не с институтским парторгом, а с представителем НКВД. Мало того, сделал это в момент, когда трое сотрудников института: преподаватели мордовской кафедры С. Сумбаев, С. Абузов и А. Рябов (создатель эрзянского алфавита на латинице) — уже были арестованы по обвинению в правотроцкистской националистической деятельности.

Почему Антонов уволил Бахтина, очевидным образом усугубив своё собственное положение? Если пытался помочь Бахтину — к чему формулировка *«за буржуазный объективизм»*?

13 июня 1937 г. Антонова отстранили от руководства институтом, а Ерёмина назначили и. о. директора МГПИ.

20 июня Антонов был арестован по тому же обвинению, что и преподаватели Сумбаев, Абузов и Рябов.

Сам Антонов, Абузов и Рябов — эрзя. Национальная принадлежность Сумбаева не ясна. Спустя некоторое время эрзя Васильев, инициатор создания Мордовской автономии, тоже будет арестован... Можно ли сказать, что удар был нанесён именно по эрзянам? Нет. По делу правотроцкистов и националистов были арестованы и мокшане. Ско-

рее, можно говорить о том, что репрессированы были носители определённых (из эпохи, когда речь шла ещё о мировой революции) представлений о том, какой должна быть Мордовская автономия — с умеренным дистанцированием от русских, с развитием письменности на латинице... Бахтин к «троцкистскому» сюжету и его производным («блоку правотроцкистов» и пр.) отношения явно не имел. И оказался выведен из-под удара. И вывел его не кто-нибудь, а Ерёмин.

Биографу Бахтина В. И. Лаптуну действия Ерёмина в отношении Бахтина представляются не поддающимися «никакому рациональному обоснованию. Постоянно выступая на собраниях за увольнение из института Бахтина, он тем не менее отменил приказ бывшего директора о снятии Михаила Михайловича с рабо-

ты за «буржуазный объективизм». И подписал приказ об увольнении Бахтин по собственному желанию. Через несколько часов Бахтин с супругой отбыли в Москву.

Мы не знаем, чем руководствовался Ерёмин. Очевидно одно: жёстко атакуя Петрова и Бахтина, он по факту не подвёл их под арест, а, напротив, вытолкнул из института в период арестов.

Во второй приезд Бахтина в Мордовию мы наблюдаем сходную картину: несмотря на регулярные неприятности, большие беды обходят его стороной.

Но об этом — в следующей статье.

Анна Кудинова

Классическая война

Доктрина Великой войны.

Сокрушительный «Багратион»

Наступление началось 22 июня. Это была не случайная дата. Нужны были символы, говорящие о глубине произошедшего перелома. И такие символы — сознательно

подобранные и «подаренные» самой военной обстановкой — сопровождали всю операцию

*Величие победы измеряется
степенью её трудности.
М. Монтень*

Курское сражение означало некий рубеж в Великой войне. Историки и журналисты называли этот рубеж по-разному: *«слом хребта немецкой военной машины»*, *«поворот вспять колеса войны»* и так далее. В чём было реальное военно-стратегическое содержание этих метафор? В том, что теперь Красная Армия навязывала вермахту свои стратегические правила, выбирала место и время глобальных наступательных операций, перехватила и уже больше не отдала стратегическую инициативу.

То, что Красная Армия должна научиться бить врага его же собственным оружием, было понятно с первых дней войны. Курская битва, употребляя ещё одну метафору, была сдачей последнего практического экзамена на овладение оружием блицкрига.

Маршал Василевский, оценивая значение Курской битвы, писал: *«Мы не только выиграли битву, но и выросли в ней. Мы научились лучше разгадывать намерения врага. У нас хватило воли, характера, просто выдержки и нервов, чтобы... не дать врагу лишний шанс».*

Следующая стратегическая битва, о которой мы намерены рассказать, — операция «Багратион» — была не меньше чем «кандидатской диссертацией» наших солдат и полководцев, демонстрацией не подражательно-ученического, а настоящего творческого ис-

полнения «русского блицкрига».

Было замечено, что победные стратегические сражения второй половины войны разыгрывались почти в тех же местах, где происходили крупнейшие разгромы первой половины войны.

Так было и в ходе операции «Багратион»: советские войска в Белоруссии в 1944 году почти идентично повторили события 41 года. Только теперь мы побеждали, а немцы проигрывали, мы наступали, а они отступали, «котлы» создавал не Гудериан, а Рокоссовский, и немецкие окруженцы пробивались на запад, а не наши — на восток.

За год после Курской битвы была снята блокада Ленинграда, сокрушён «непреодолимый» Восточный вал, выстроенный немцами на Днепре, освобождены Правобережная Украина, часть Молдавии, Крым. Крас-

ная Армия вышла на подступы к Польше и уже перенесла боевые действия на территорию Румынии.

К лету 1944 года германское военное руководство ожидало продолжения наступления на юге — там же, где проходило весеннее наступление Красной Армии. Однако советская Ставка ещё с начала мая планировала летнее наступление совсем в другом месте — на центральном направлении, против армий самой мощной в вермахте группы «Центр». Это был чрезвычайно масштабный и рискованный замысел, поскольку до этого момента уничтожение целой группы армий считалось невыполнимой задачей.

Белорусский «балкон»

Ещё после зимне-весенних сражений линия фронта в Белоруссии оформилась таким образом, что образовался обращённый на восток огромный по протяжённости и площади выступ, т.н. белорусский «балкон», который занимала группа армий «Центр» (генерал-фельдмаршал Э. Буш). Не уничтожив эту крупную стратегическую группировку противника, нельзя было освободить Белоруссию.

На этом «балконе» немцы создали очень мощную в инженерном отношении оборону глубиной 250–270 км. Две полосы обороны, доты и дзоты, бронеколпаки и железобетонные огневые точки, блиндажи с перекрытием в пять–шесть бревенчатых накатов, укреплённые изнутри железобетонными плитами,

так называемые лисьи норы (глубокие подземные щели-укрытия для солдат) — немцы были готовы к отражению самых яростных атак. Оборону на белорусском направлении держали 1,2 млн человек, 900 танков и штурмовых орудий, почти 10 тысяч полевых орудий и миномётов. С воздуха германские войска поддерживали 1 350 боевых самолётов, а города Витебск, Орша, Бобруйск, Могилёв, Борисов и Минск были превращены в неприступные узлы сопротивления и объявлены Гитлером «укреплёнными районами».

Именно эту мощнейшую оборону собиралась взломать Красная Армия. Замысел, разработка и планирование операции по освобождению Белоруссии принадлежали генералу А. Антонову, заместителю начальника Генштаба РККА. Планом был предусмотрен одновременный прорыв обороны противника на

шести участках, расчленение его войск и разгром по частям.

Затем советские войска должны были неотступно преследовать врага, не давая ему закрепиться на промежуточных рубежах обороны. Выполнение этого плана позволило бы освободить Белоруссию, выйти на побережье Балтийского моря и к границе Восточной Пруссии.

Для операции «Багратион» были собраны огромные силы. Советские войска превосходили германские в людях в 2 раза, в танках и самоходных орудиях — в 5,8 раз, в орудиях и миномётах — в 3,8 раз, в боевых самолётах — в 3,9 раз. Никогда до этого ни в одной операции Великой Отечественной войны не было задействовано такой мощи.

Но главное было вовсе не в большой концентрации войск, танков, орудий и самолётов.

В сражении за Белоруссию превосходство в силе было необходимым, но не определяющим. Как мы уже говорили, исполнение операции «Багратион» характеризовалось множеством нестандартных, импровизационных элементов стратегического характера, что и сделало её одной из лучших операций советского командования.

Взять, например, такой приём, как предваряющая наступление действующей армии партизанская «рельсовая война». В Белоруссии партизанское движение было очень многочисленным (около 150 тысяч человек), да и вооружение мало уступало воинским соединениям. За три дня до наступления Красной Армии партизаны одновременно по строгому плану начали взрывать рельсы, выводить из строя важнейшие железнодорожные коммуникации, производить крушения поез-

дов. В результате этого бóльшая часть военных перевозок врага была парализована. Начальник транспортного управления немецкой группы армий «Центр» Г. Тёске писал: *«Молниеносно проведённая в эту ночь крупная операция партизанских отрядов вызвала полную остановку железнодорожного движения на всех важных коммуникациях, ведущих к районам прорыва».*

Считается, что крупное наступление скрыть невозможно — противник по перегруппировке войск, а также массе других признаков «вычислит» его. Поэтому обычно скрывают не само наступление, а где и когда оно произойдёт. Но советскому Генштабу благодаря целому комплексу мер удалось добиться того, что подготовка огромного по масштабам наступления осталась практически незамеченной. Вот это уже был высший

пилотаж!

Были использованы все методы: строительство оборонительных укреплений на ложных направлениях с нарочитым усилением войск и концентрацией тяжёлой техники, организация фальшивых аэродромов с фанерными макетами самолётов, подбрасывание ложных доказательств, ведение стратегической радиоигры, сотни других способов ввода противника в заблуждение. В итоге германскому командованию не удалось раскрыть ни общего замысла операции, ни её масштаба, ни направления главного удара, ни срока начала боевых действий.

Тогдашний командующий 4-ой полевой армией Курт Типпельскирх так описывал настроя в немецком руководстве: *«Не было никаких данных, которые позволили бы предугадать направление или направ-*

ления, несомненно, готовившегося летнего наступления русских. Временами приходилось руководствоваться лишь догадками. Так как авиация и радиоразведка обычно безошибочно отмечали крупные переброски русских сил, можно было думать, что наступление с их стороны непосредственно пока не грозило. В генеральном штабе сухопутных сил... полагали, что противник основные усилия сосредоточит на фронте группы армий «Северная Украина», с целью отбросить последнюю к Карпатам. Группам армий «Центр» и «Север» предсказывали «спокойное лето».

Отвлекая внимание противника на Украину, наши войска днём и ночью готовились к предстоящим боям в Белоруссии. На фронте будущего наступления предстояло преодо-

леть множество болот и мелких речек, лесов и оврагов. Поэтому солдат, по заветам Суворова, обучали плавать, преодолевать водные преграды на подручных средствах, ориентироваться в лесу. Придумали простые, но эффективные способы, как переправлять по лесным дорогам танки и артиллерию. Тренировались лётчики, танкисты, сапёры, другие военные специалисты.

Невероятную работу проделали службы тыла. Четырём готовящимся к наступлению фронтам ежедневно подавалось в среднем по 100 эшелонов с боеприпасами, горючим, продовольствием и фуражом, другими грузами.

Символика войны

Наступление началось 22 июня. Это была не случайная дата. На данном этапе войны нужны были символы, говорящие о глубине произошедшего перелома. И такие символы — сознательно подобранные и «подаренные» самой военной обстановкой — сопровождали всю операцию.

Чтобы скрыть направление главного удара, наступление осуществлялось на широком фронте в 450 км. Впервые за три года войны не немецкая, а советская армия открывала летнюю кампанию крупным наступлением силами нескольких фронтов.

Главная роль в наступлении по плану отводилась 1-му Белорусскому фронту под командованием К. Рокоссовского. Ему предстояло наносить удар двумя танковыми корпу-

сами и четырьмя общевойсковыми армиями через сплошные топи. Ставка беспокоилась, не завязнут ли войска в болотах. Однако Рокоссовский был убеждён, что поскольку немцы на этом участке не ждут удара, их оборона слаба. А значит, именно здесь и надо наносить главный удар. При помощи партизан были разведаны лесные дороги, через болота проложены гати.

И когда мощные бронированные колонны русских появились из считающихся непроходимыми болот, враг дрогнул. Причиной страха была не только внезапность нападения, но и непонятная мистическая предопределённость поражения.

Главным достижением операции «Багратион» была целая череда крупных «котлов», которые Красная Армия в совершенстве научилась организовывать. И это тоже было

символом того, что военная удача окончательно оставила вермахт.

25 июня был взят в кольцо Витебский укрепрайон (около 35 тысяч солдат противника). Немцы упорно сопротивлялись, предприняли попытку прорвать окружение. Совместным ударом двух армий при поддержке авиации группировка была расчленена и уничтожена. В плен попало лишь около 10 тысяч человек.

В «котёл» под Бобруйском 27 июня попала не менее крупная группировка немцев (около 40 тысяч). Для их скорейшего уничтожения по приказу Ставки была привлечена 16-я воздушная армия. Около 400 бомбардировщиков и штурмовиков полтора часа бомбили гитлеровцев, нанеся не только огромный урон, но и полностью деморализовав их. В этот день был освобождён Бобруйск.

3 июля был создан самый большой Минский «котёл», в который попала стотысячная немецкая группировка. 12 июля окружённые войска капитулировали, иначе они были бы уничтожены. В плен попали 40 тысяч солдат и офицеров, 11 генералов — командиры корпусов и дивизий. Это была катастрофа для группы армий «Центр».

Бросается в глаза та решительность и беспощадность, с которой уничтожались окружённые группировки. Лозунг «Если враг не сдаётся — его уничтожают» действовал в ходе этой операции в полной мере. За смерть и разрушения, за угнанных в Германию советских людей Красная Армия мстила сурово.

Наконец, с операцией «Багратион» соотносится ещё один яркий символ. 17 июля по центральным улицам Москвы под конвоем провели более 57 тысяч взятых в плен в Бе-

лоруссии немецких солдат и офицеров. Шествие продолжалось почти три часа. Грязные, оборванные, униженные «сверхчеловеки» прошли по улицам столицы СССР, которую им так и не удалось покорить. И финальный символический аккорд — вслед за последней колонной пленных шли десятки поливальных машин, смывая с улиц оставшуюся от них грязь.

Операцию «Багратион» отличает огромный пространственный размах и значительные оперативно-стратегические результаты. За два месяца наступления войска Красной Армии продвинулись на 550–600 км. От захватчиков была освобождена почти вся Бе-

лоруссия и часть Польши.

Основные силы группы армий «Центр» были разгромлены, немцы потеряли свыше 400 тыс. солдат и офицеров, в том числе свыше 250 тысяч — безвозвратно. Это были потери сталинградского масштаба.

Наши безвозвратные потери составили 178 507 человек, что, конечно, тоже немало, но в данном случае мы вовсе «не заваливали врага трупами», как любят утверждать либеральные историки, а победили его умением, переиграли. Недаром «Багратион» считается, наверное, самой филигранной и эффективной операцией Красной Армии за годы войны.

Оценивая итоги Белорусского наступления наших войск, фашистский генерал Зигфрид Вестфаль писал: *«В течение лета-осени 1944 года немецкую армию постигло величайшее в её истории пора-*

жение, превзошедшее даже сталинградское... Германия неудержимо катилась в пропасть».

Наши войска вышли на государственную границу СССР. Теперь им предстояло освободить Европу.

Юрий Бардахчиев

Наша война

Афера с «креативным классом»

Никакой научной ценности труд Флориды не имеет. Более того, можно говорить о том, что он имеет некую отрицательную научную ценность, так как не проясняет поставленные проблемы, а замутняет их. Тем интереснее почти что

всемирная известность работы г-на Флориды. Чем вызвана такая популярность?

Все наши читатели наверняка знают, что такое креативный класс. Потому что это способ существования дельфиных тел. Понятие «креативный класс» пытались в 2011–2012 гг. использовать в России как таран, с помощью которого пытались (и ещё продолжают пытаться) расшатать общественное спокойствие и собрать людей под знамёна перестройки-2. Мы уже не раз посвящали статьи разным особенностям «креативного класса»: повадкам и оперению, социальному составу российской популяции и пр. Однако в силу нашей глубокой неприязни к дельфинам любого рода, заложенной в нас неправильным пионерским воспитанием (в соответствии с которым в от-

вет на фашистские и расистские рассуждения надо бить по морде, а не дискутировать), мы пользовались «лёгким» стилем, пытаюсь яснее передать характер нашего отношения к предмету.

К нашему сожалению, мы видим, что «креативный класс» не испарился вместе с окончанием белоленточных протестов к лету 2012 года. Более того, «креативный класс» — это «несуществующее животное» — продолжают активно конструировать различные высокопоставленные дельфины, жаждущие перестройки-2. Они пытаются обманом заманить в свои дельфиньи сети большое количество молодёжи, не получившей пионерского (а часто вообще никакого) воспитания и не имеющей иммунитета против расистской заразы. Эту молодёжь банально обманывают, обещая ей золотые горы власти и высокоста-

стусного потребления, а на самом деле собираются использовать её как мясо в будущих уличных боях.

В связи с этим мы решили поговорить о «креативном классе» и обо всём, что с ним связано, максимально серьёзно.

Понятие креативного класса было введено американско-канадским экономистом и социологом Ричардом Флоридой, профессором Школы менеджмента им. Джозефа Ротмана в Торонтском университете. В 2002 году Р. Флорида опубликовал книгу «Восхождение креативного класса», в которой попытался изложить теорию придуманного им нового социального слоя.

Ричард Флорида

Сразу надо оговорить, что Ричард Флорида по своей специальности — урбанист, занимающийся исследованием механизмов, приводящих к росту и умиранию городов. Соответственно, креативный класс понадобился Флориде не сам по себе, а как способ объяснения экономических и социальных процес-

сов, происходящих в современных мегаполисах. А именно, Флорида предположил, что существует социальный слой людей, концентрация которых в мегаполисах приводит к росту экономики и качеству жизни в этих городах. Именно этот — предположительно существующий — социальный слой Флорида и назвал креативным классом.

При этом важно сразу понять, что Флорида (тоже обделённый, как и наша современная молодёжь, пионерским воспитанием и советским школьным образованием) в основу своей теории положил грубейшую ошибку — он перепутал причину и следствие, о чём, как мы увидим дальше, пишут его многочисленные критики из всех областей науки: и социологи, и урбанисты, и экономисты.

Суть ошибки примерно такова: наблюдая за живой природой, мы обнаруживаем, что

там, где намазано мёдом, обычно много ос. Поскольку мы заинтересованы в мёде, то мы предполагаем, что именно осы его и намазывают. Далее мы предполагаем, что если завезти куда-либо много ос, запретив разрушать их гнёзда, то через некоторое время в этом месте будет полно мёду. Логично?

Аналогичная ситуация возможна и, например, с производством навоза. Наблюдая за живой природой, мы обнаруживаем, что там, где всё загажено навозом, обычно много мух. Поскольку мы заинтересованы в органических удобрениях, то мы предполагаем, что именно мухи их и производят. Далее мы предполагаем, что если завезти куда-либо много мух, создав им комфортабельные условия для жизни, то через некоторое время в этом месте всё будет в ... шоколаде. Правильно?

В точно такой же логике наблюдая за жиз-

нию городов, мы можем видеть, что в таком центре цивилизации, как Сан-Франциско, мы обнаруживаем Силиконовую долину, быстрый экономический рост, высокий уровень жизни и пр. Одновременно мы видим, что в Сан-Франциско наблюдается повышенная концентрация гомосексуалистов и извращенцев всех мастей, программистов, дизайнеров и велосипедистов. Далее мы так же логично, как и в предыдущих случаях, предполагаем, что именно эта повышенная концентрация голубых программистов и дизайнеров-велосипедистов и создаёт любимый всеми экономический рост и высокий уровень жизни. Соответственно, мы решаем, что повышение в любом городе концентрации голубых велосипедистов и дизайнеров-программистов (с созданием соответствующей инфраструктуры в виде велосипедных дорожек, ночных

клубов и оперных театров) неизбежно приведёт к экономическому росту и повышению уровня жизни.

А чтобы каждый раз не мучиться с перечислением пёстрого состава цветов и профессий волшебного коктейля, приводящего к росту экономики в одном отдельно взятом мегаполисе, обзовём их всех каким-нибудь одним термином, например, «креативным классом».

Вы будете удивлены, но именно это — без всяких преувеличений — и сделал Ричард Флорида. Судите сами — мы процитируем несколько абзацев из книги Р. Флориды «Восхождение креативного класса».

«Район залива Сан-Франциско является безусловным национальным лидером в области креативности... К другим победителям относятся развитые регионы восточного побережья, такие как Бо-

стон, Нью-Йорк и Вашингтон... Крупные регионы обладают очевидным преимуществом в порождении и привлечении креативности. Из двадцати ведущих креативных центров страны все, кроме трёх, имеют население более одного миллиона человек. Возможно, это связано с тем, что крупные регионы могут предложить больше возможностей».

Поразительное дело, какое открытие! Крупнейшие научные, промышленные и культурные центры Америки оказались крупнейшими научными, промышленными и культурными центрами! И в них, оказывается, сосредоточено большое количество исследователей, инженеров, программистов, деятелей культуры... Кто бы мог подумать! Более того, «возможно» (!!!) эти крупнейшие города Америки имеют

большое население потому, что «крупные регионы могут предложить больше возможностей». Возможно! Интересно, какие существуют альтернативные гипотезы? Ладно, не будем углубляться...

Чем же, по мнению Флориды, объясняется концентрация в этих городах людей творческих профессий? Понятно, объяснение, что там много работы, его не устраивает — не стоило бы и огород городить. Для разрешения этой научной загадки он разработал специальный индекс «под названием «Индекс креативности». Он объединяет в себе четыре равно значимых фактора:

1) доля креативного класса в занятом населении. (Очевидно, Флорида имеет в виду, что концентрация представителей творческих профессий объясняется не тем, что в больших городах много университетов, науч-

ных центров, театров и художественных галерей. Чем же тогда? А возможностью для представителей этих профессий тусоваться (а не работать!) в обществе себе подобных.

2) *инновационность, выраженная в количестве патентов на душу населения.* (Опять неожиданно! — в крупнейших научных центрах почему-то много патентов).

3) *высокотехнологичные индустрии, согласно общепринятому индексу Tech Role (который я называю «Индексом высоких технологий»).* (Это вообще в голове не укладывается — в центрах высоких технологий почему-то ненормально высок индекс высоких технологий).

4) *разнообразие, измеряемое посредством «Гей-Индекса», с помощью которого вполне можно оценить открытость региона по отношению к новым людям и*

идеям. (Ну, вы поняли? «Открытость новым людям и идеям» нельзя оценить по количеству новых технологий и патентов. Но зато можно — по доле гомосексуалистов среди населения. То есть каждый новый житель города из ЛГБТ-сообщества резко увеличивает творческий потенциал города в целом. Вдумчивый читатель уже наверняка понял, что наша страна в погоне за высокими технологиями и современными научными достижениями явно идёт по неправильной дорожке: вместо того, чтобы строить разные «Сколковы», нужно просто завезти к нам побольше геев, чтобы их процент сравнялся хотя бы со среднеевропейским. И вот тогда новые технологии как попрут! Кстати, примерно такой ход мысли и есть у Р. Флориды, в чём мы сейчас убедимся.)

Такой комплексный индикатор даёт

более чёткие представления о креативных возможностях региона... поскольку он отражает совокупные последствия концентрации креативного класса и инновационных экономических результатов его деятельности. (То есть концентрация ос даёт-таки много мёда!) Соответственно, «Индекс креативности» является моим базовым показателем положения региона... и я предлагаю использовать его в качестве барометра долгосрочного экономического потенциала региона. (То есть надо-таки измерять количество мух, чтобы предсказать долгосрочный потенциал региона по производству органических удобрений!)».

Итак, «креативный класс» нужен Флориде для того, чтобы проектировать экономический рост в мегаполисах. Чем больше

«креативных», говорит он, тем больше будет рост (больше ос — больше мёда). Давайте теперь посмотрим, кого же он включает в этот «класс».

«Креативный класс состоит из людей, производящих экономические ценности в процессе творческой деятельности. Таким образом, в него входит великое множество работников интеллектуального труда, символических аналитиков, а также лиц свободных профессий и технических специалистов... В моём определении класса акцент ставится на способах самоорганизации людей в социальные группы, а также на общей идентичности... Социальные и культурные предпочтения, модели потребления и социальная идентичность зависят именно от последней».

Обратите внимание, что Флорида фиксируется не на содержании деятельности, не на профессиональных качествах, а на идентичности и образе жизни. Специально подчёркиваются модели потребления, характерные для различных групп креативного «класса». То есть речь идёт о ценностном единстве, включающем потребительские ценности и модели демонстрации статуса.

Флорида таким образом описывает типичный представитель креативного класса: он молод, ему обычно от 25 до 40 лет, ведёт ночной образ жизни — любит проводить свободное время в ночных клубах, просыпаться к обеду. Не обременён семьёй, не может жить без велосипедных прогулок. В работе, если судить с его слов, ориентирован не на зарплату и карьеру, а на автономность и интересность работы. Место жительства выбира-

ет не из-за работы (её предпочитает часто менять — отдельно очень интересно узнать, как частая смена работы сочетается с самореализацией), а, прежде всего, из-за наличия креативной тусовки, велосипедных дорожек, хипстерских ресторанов и клубов, галерей а-ля Гельман. Мечтает не о собственном доме и крутом автомобиле, а об экзотических поездках и покупке истинных произведений искусства, демонстрирующих его принадлежность к креативному классу.

Этот «типичный представитель» вообще вызывает у нас много вопросов. Каким образом ночной образ жизни и тусовки могут сочетаться с каким бы то ни было трудом, тем более творческим. Непонятно, как частая смена работы может сочетаться с какими-то достижениями в работе, а также откуда берутся деньги на экзотические путешествия

и покупку произведений искусства, особенно если учесть, что у них якобы отсутствует стремление к карьере и росту зарплаты. Сдаётся нам, что господин Флорида что-то не договаривает. И прежде всего о своей мотивации.

Рассуждая о природе креативного класса как некоего единства, пишет: *«В наше время обобщённые категории «буржуазии» и «пролетариата», «капиталистов» и «рабочих» почти утратили свой аналитический потенциал»*. А где доказательства? Что, капиталисты перевелись? Или верхушка «креативного класса», входящая в 1% самых богатых людей США (пиарщики, адвокаты, врачи, рекламисты, спортивные и голливудские звёзды), не могут быть отнесены к буржуа? А растущее большинство учёных, инженеров, программистов, дизайнеров, художни-

ков и пр., не имеющих постоянной работы, социальных гарантий и медицинской страховки, не может быть отнесено к угнетённому пролетариату с высшим образованием?

Все эти вопросы вызывают новое подозрение — а не сконструирован ли этот липовый «креативный класс» исключительно целью дезориентации широких слоёв эксплуатируемой интеллигенции? — чтобы подавить в зародыше возможность их реальной классовой идентификации, которая совершенно точно не привела бы к единению с хозяевами.

Это подозрение Флорида в открытую подтверждает: *«Мои практические исследования и интервью дают всё больше свидетельств тому, что если представители креативного класса пока и не рассматривают себя в качестве единой общественной группировки, в реальности их объеди-*

няют общие вкусы, желания и предпочтения. В этом отношении новый класс, возможно, не имеет таких отчётливых признаков, какие отличали промышленный рабочий класс в период его расцвета, но определённым единством он уже обладает». На всякий случай «переведём»: люди, которых обследовал сам Флорида, никак не чувствуют себя классом и не ощущают никакого единства, однако Флорида считает, что они должны его ощущать. Потому что, видите ли, у них какие-то общие вкусы и желания. Ну, и что? Мы вот тоже время от времени хотим есть, и наши желания совпадают со всем населением планеты, даже с г-ном Флоридой. Но ничто не заставит нас почувствовать единство с ним, тем более классовое — как говорится, столько не выпить.

Спрашивается, а зачем всё это г-ну Флори-

де? Какую задачу он решает? И не является ли эта задача политической?

Рассмотрим теперь полное определение «креативного класса» от г-на Флориды:

«В моём представлении креативный класс распадается на две составляющие. Суперкреативное ядро нового класса включает учёных и инженеров, университетских профессоров, поэтов и писателей, художников и актёров, дизайнеров и архитекторов, равно как интеллектуальную элиту современного общества: публицистов, редакторов, крупных деятелей культуры, экспертов аналитических центров, обозревателей и других людей, чьи взгляды формируют общественное мнение (Здесь и далее выделено нами — Авт.).

Я определяю высшую степень творческой деятельности как производство новых форм

или моделей, которые можно с лёгкостью распространять и широко использовать — сюда относятся, к примеру, разработка новых видов продукции для массового производства, продажи и потребления; изобретение теоремы или стратегии универсального значения; создание выдающихся музыкальных произведений.

Помимо этой центральной группы к креативному классу относятся «креативные специалисты», работающие в целом ряде отраслей, основанных на знании, таких как сектор высоких технологий, финансы, право и здравоохранение, а также управление бизнесом. . . . Как правило, это подразумевает высокий уровень образования, а тем самым и человеческого капитала».

Что можно сказать об этом определе-

нии? У Флориды в «креативный класс» — это, в основном, высокооплачиваемая услуга элит современного постиндустриального капиталистического общества. Особенно умиляет отнесение к творческому классу банковских клерков и разного рода «эффективных менеджеров». Да и любой самый хороший врач трижды подумал бы, прежде чем дать отнести себя именно к «креативному» классу — какая уж тут креативность, не навредить бы.

Но более всего всё-таки впечатляет явно высказанная в этом определении претензия этого выдуманного «класса» на «формирование мнений». То есть на формирование политических, культурных и потребительских предпочтений. Флорида как бы навязывает всем представителям этого класса общий интерес — формировать картину мира осталь-

ного населения, и именно на этой основе пытается «вербовать» в свой «класс» людей, не чувствующих между собою ничего общего.

Именно эта особенность теории Флориды и привлекла, похоже, к нему внимание отечественных «политтехнологов» и «классостроителей». Но об этом — в следующий раз. А сейчас — о том, как восприняли научные изыскания главного конструктора «креативного класса» ведущие представители этого класса, «влияющие на мнения» — социологи, экономисты, урбанисты, журналисты.

Осознавая свою совково-позитивистскую предвзятость и пионерско-чекистскую подозрительность, мы решили представить читателю реакцию на творчество Ричарда Флориды представителей чуждого нам просвещённого американского белого большинства. Поэтому позволим себе привести длинную цита-

ту из учителя Флориды, почётного профессора городского планирования и урбанистики Колумбийского университета, сына знаменитого немецкого философа Франкфуртской школы, автора книг «Эрос и цивилизация» и «Одномерный человек», Герберта Маркузе (1898–1979 гг.), Питера Маркузе.

«О позиции Ричарда Флориды, которую я считаю весьма спорной. . .

Истинное право на город требует упразднения власти частного капитала над городской экономикой. . . и над мировой экономикой в целом.

Кто должен получить право на такой город? Разумеется, ни в коем случае не какой-то один класс сам для себя, тем более не так называемый креативный класс, столь милый сердцу мистера Флориды, но все люди, каждый горожанин, каждый член общества.

Ибо это право каждого на поддержку в развитии его творческих способностей, право на раскрытие гуманитарного потенциала. Концепция созидания, пропагандируемая Флоридой, вредна... Флорида считает творческими людьми тех, кто придумывает «фонды доверия» для богатых, он считает «творцами» биржевиков и менеджеров, изобретающих новые лазейки для спасения «гнилых» ссуд и обмена дефолтными кредитами, и он причисляет к «креативщикам» тех, чьи махинации обескровили миллионы людей... Туда же входят демагоги и манипуляторы, насаждающие «культуру» потребления, суть которой в том, чтобы продавать как можно больше вещей и продуктов вне зависимости от того, нужны они кому-то или нет.

«Креативный класс» Ричарда Флориды можно смело назвать главным препят-

ствием на пути создания «города мастеров» для всех (Выделено автором — Ю.К.) Потому что на самом деле эти «креативные» часто и не дают реализовать это право большинству людей...

Обзор книги «Подъём креативного класса» требует великодушия. В ней затронуты вопросы крайне важные для понимания как движущих сил современной экономики, так и поощряющих её функционирование политических моделей. Книга написана хорошо, можно сказать, в форме монолога. Кроме шуток, она напоминает стенограмму банкетных спичей Торговой палаты, возможно, так оно и есть ...

Однако все перечисленные выше достоинства лишь усугубляют удручающее впечатление от этой книги. Начнём с названия — «креативный» — слово очень важное для эпохи...

Много работ посвящено творческому подходу (и его особенностям) в психологии, педагогике, социологии и т.д. Однако нигде нет чёткой дефиниции «креатива»...

Или вот «класс». Дебаты о значении этого термина имеют долгую историю, и лучше нам в эти дебаты не ввязываться. Флорида подчёркивает, что сами представители данного класса себя таковыми не считают. По его мнению, им пора бы взять на себя классовую ответственность, но они что-то не торопятся это сделать. Собственно зачем, разве нам станет лучше, если они, наконец, согласятся взять на себя такую ответственность, и насколько общность интересов даёт право рассматривать их как некий «класс», а не как группу любителей определённого стиля жизни?

Большая часть столь превозносимого ав-

тором «креатива» — не более чем порождение моды на новизну любой ценой, вне зависимости от того, насколько полезны эти новшества. Гёте устами Фауста задавал эти вопросы два столетия назад, однако в данной книге на них нет ответа.

Вместо ответа нам предлагают увлекательный путеводитель по вкусам и привычкам яппи, к которым автор с азартом причисляет и себя. С одной стороны, им нравятся джазовые клубы, с другой — стихия уличного балагана (но никак не симфонические оркестры). Они любят походы, велосипед, отдых на лоне природы, активные виды спорта (в качестве участников, а не зрителей). Они любят кафе, где нет одинаковых стульев, еду в горшочках ручной работы, одежду от Banana Republic, или, на худой конец, от Gucci. Они предпочитают заниматься делом в одиночку,

но за достойное вознаграждение. Им нравится свободный стиль одежды и ненормированный рабочий день. Они стремятся в города, где кипит уличная жизнь, где есть быстро и галереи (но не большие музеи).

Весь этот перечень — плод «личных бесед автора и опросов фокусной группы», *это* сочетание слов встречается в тексте сорок три раза (мы подсчитали), и ни слова про конкретных собеседников, надо понимать все они — такие же «креативщики».

Политические рекомендации, вытекающие из этих анекдотических «свидетельств», гласят: строительство больших стадионов не стимулирует экономику больших городов — это заблуждение... Рейтинг городов зависит от наличия привлекательных факторов. Проблема в том, что там, где нет креативных, нет и факторов, и наоборот. Статистика представ-

ляет собой замкнутый круг.

Нам есть, что добавить к этому мнению П. Маркузе, особенно на нашем отечественном материале, и мы это обязательно сделаем. Но нам хотелось привести именно цитату, чтобы продемонстрировать оценку «труда» Флориды со стороны научного сообщества, к которому он относится. Чтобы у читателя не возникло никаких сомнений в том, что расхождение взглядов между нами и Флоридой повлияли на оценку его научного результата.

Так вот, никакого научного результата нет. Никакой научной ценности труд Флориды не имеет. Более того, можно говорить о том, что он имеет некую отрицательную научную ценность, так как не проясняет поставленные проблемы, а замутняет их. Тем интереснее почти что всемирная известность работы г-на Флориды. Чем вызвана такая популярность?

Возможно, его работа имела какое-то иное, не научное, а, скажем, бизнес-значение?

Да, безусловно. Книга Флориды знаменовала собой начало некоей грандиозной бизнес-деятельности по преобразованию городов, которую иначе, чем аферой, и не назовёшь. Потому что вся эта деятельность, в которую были вложены миллиарды долларов, с блеском провалилась. Чтобы познакомить читателя с этой стороной «креативного класса» г-на Флориды, приведём ещё одну длинную цитату — из статьи Джоэла Коткина в американском журнале «Business» «Креативный класс: неоправданные издержки».

«Среди наиболее распространённых, и, возможно, самых вредоносных идей прошлого десятилетия было представление о том, что «креативный класс», состоящий из квалифицированных, образованных и продвину-

тых людей, смог бы перестроить и возродить американские города. Мысль, изложенная и распространяемая специалистом по консалтингу Ричардом Флоридой, состояла в том, что ... ставка на креативных людей поможет стимулировать широкомасштабное городское возрождение.

Урбанистов, журналистов и учёных — не говоря уж о девелоперах из мегаполисов — было совсем не трудно убедить в том, что немного раскошелиться в пользу хипстеров пойдёт на пользу всему обществу. А сам Флорида весьма преуспел, написав кучу книг, опубликовав кучу статей, прочитав кучу лекций и получив кучу постов в университетах. Это, в свою очередь, весьма помогло как продвижению его идей в массы, так и формированию из впечатлённых брендом «креативный класс» изрядной клиентской базы, в ко-

торую кроме крупных корпораций и девелоперов попали такие совершенно разные города, как Детройт и Эль-Пасо, Кливленд и Сиэтл.

Ну, и... упс!

Месяц назад сам Флорида, уже в качестве редактора журнала «The Atlantic», сказал то же самое, что уже как десять лет твердили его критики: очень немногие, кроме непосредственно самих представителей креативного класса, получили выгоду от инвестиций в него. ...

Кого явно не обрадует такая перспектива, так прежде всего то множество городов, которые подписались под эту стратегию, и, следуя рекомендациям Флориды, в течение многих лет тратили серьёзные деньги на поощрение культуры и индустрии развлечений, на строительство велодорожек, создавая тем самым

позитивную атмосферу для нацменьшинств и геев, что в свою очередь должно было привлечь молодых выпускников колледжей...

Однако реализацию этого плана ... нельзя назвать успешной. Эти города теперь выглядят весьма глупо... Наверное, самым смешным примером подобной практики была кампания «клёвые города» (cool cities) губернатора штата Мичиган Дженнифер Грэнхолм в середине нулевых, которая была призвана вырастить «креативный класс» в Детройте и во всём штате за счёт субсидий на культуру. Она вообще никак не сработала... Для городов «ржавого пояса»... увлечение «креативным классом» означало не только потраченные деньги, но также потраченные зря усилия и неверно избранное направление развития...

Печальная правда состоит в том, что даже

для таких удобных для «креативного класса» городов, как Нью-Йорк и Сан-Франциско ставка на хипстеров и интеллектуальную индустрию услуг сочетается с упадком среднего класса и ростом разрыва между богатыми и бедными. Даже Вашингтон и Сан-Франциско, эти живые примеры «городов для хипстеров», находятся в числе городов с высоким уровнем бедности — порядка 20% населения здесь живут ниже прожиточного минимума. Нигде издержки хипстории не видны более явно, чем в Нью-Йорке... один процент жителей Нью-Йорка получает треть личного дохода всех жителей города — это вдвое превышает пропорцию, характерную для всей остальной страны.

На бумаге теория «креативного класса» служит делу многообразия... Представители креативного класса могут исповедовать по-

литические корректные взгляды, однако эффект политики Флориды... часто подрывает этническую устойчивость городского сообщества. Как только представители креативного класса попадают в город, тут же взлетают цены на аренду недвижимости, что вытесняет местные магазины и местных жителей вон... То, что придавало старым кварталам их уникальность, с приходом креативного класса было утрачено, а местная культура постепенно была вытеснена невероятно однотипными, быстроразмножающимися ресторанами, находящимися в трендах у хипстеров...

Итак, бизнес-эффект от исследования Р. Флориды, так же, как и научный — отрицательный (не для него самого, конечно, а для тех, кто ему поверил). Может, в этом и был весь смысл аферы с «креативным классом»?

Нам представляется, что нет. Самый большой успех работа Р. Флориды имела на политической арене. Особенно в России. Но об этом — в следующий раз.

Юлия Крижанская, Андрей Сверчков

Социальная война

Кредитное рабство

Большинство российских кредиторов гасят ипотеку досрочно, опережая график примерно вдвое. Это определяется спецификой психологии наших граждан: российскому заёмщику (в отличие, например, от американского) тяжело ощущать себя должником

Фото с сайта mossudmed.livejournal.com

Эксперты утверждают: в России в прошедшем 2012 году рост кредитов, выдаваемых физическим лицам, был фантастическим — на 54,8%. Кредитные истории появились у 60 млн россиян. При населении страны 143 млн чел. (из которых 26 млн — дети). Это — половина совершеннолетних жителей России. Они, так или иначе, брали кредиты, и знакомы с ними не понаслышке.

Больше половины взятых кредитов (57,3%) — это кредиты потребительские. Их брали, в основном, для покупки товаров длительного пользования (компьютер, мобильный телефон, бытовая техника и пр.). Срок таких кредитов до 3 лет, процентная ставка — 10–25% годовых. В реальности эта ставка намного больше. Но мы здесь скрытых процентов и других банковских технологий кредитной «накрутки» не касаемся.

Помимо потребительских, у населения популярны автокредиты и ипотечные кредиты. По сумме последние составляют 21,3% кредитования в России. В 2012 году у нас насчитывалось около 700 тыс. человек, взявших ипотечный кредит.

Причём большинство российских кредиторов гасят ипотеку досрочно, опережая график примерно вдвое. Это определяется спе-

цифкой психологии наших граждан: российскому заёмщику (в отличие, например, от американского) тяжело ощущать себя должником. Кроме того — на фоне рекламного сладкоголосия о кредитном потребительском рае — жизненный опыт подсказывает нашему гражданину, что в России такой «рай» долго не продержится. А поскольку на долговую кабалу ипотеки решаются, как правило, семейные взрослые люди, они, по мере возможности, спешат от неё избавиться поскорее.

При этом среди россиян, взявших кредит в 18–24 года, 45% оказывались не в состоянии внести необходимую сумму банку хотя бы раз в течение года. Для людей от 45 до 59 лет аналогичный показатель составляет 26%. Минимальное число нарушений сроков процентных платежей — среди заёмщиков предпенсионного возраста.

Важно отметить, что стремительный рост кредитования в России никак не связан с ростом доходов населения — он связан с самой политикой кредитования. В последние два года банки всё чаще выдают кредиты без тщательной проверки клиентов, фактически обменивая свой риск невозврата кредита на невнятность кредитного договора и высокие процентные ставки. При этом, естественно, расширяется доступ к кредитованию для тех, кому ранее он был закрыт, и в «кредитные истории» всё чаще попадают люди, не имеющие ни опыта, ни знаний для того, чтобы не «влипнуть» в долговые махинации.

Я лично этого опыта не имею (кредиты не брала). Но в течение прошлого года видела около своего дома автобусные остановки, оклеенные сотнями объявлений о «доступных и быстрых кредитах на любую сумму».

Как только технические службы их счищали, объявления в том же количестве мгновенно вновь появлялись. Замечу, что такого рода привлекающие объявления на телеэкранах, в интернете, на рекламных щитах, заборах, троллейбусах и пр. почему-то моего внимания не привлекали. Эти же обклеенные объявления остановки слишком похожи на ловушку для лохов.

КРЕДИТ за ЧАС!!!

БЕЗ ЗАЛОГА И ПОРУЧАТЕЛЕЙ!!!

НА ЛЮБЫЕ НУЖДЫ!!!

НИЗКИЙ %

Телефон:*****

«Ну и что?» — скажет молодой и не очень молодой российский обыватель. — «Весь мир, и прежде всего, США, давно живёт в долг. И хорошо живёт... И потом, никто же не заставляет брать кредит, это решение исключи-

тельно добровольное».

Заставляют ли — об этом поговорим ниже. Сейчас же — о том, как американцы живут в долг.

Американцы не копят на чёрный день, поскольку в их банковской системе годовой доход по сберегательным депозитам исчисляется десятými долями процента. У американцев не принято просить в долг у родных и знакомых — они предпочитают брать ссуды в банке, и затем исправно, часто пожизненно, выплачивают кредиты. И так живёт уже не первое американское поколение.

Но это возможно только потому, что банковская система США приучала население к кредитованию много десятилетий. Более того, по американским меркам, человек, ни разу в жизни не бравший кредит, вообще не заслуживает доверия. Законопослушный америка-

нец «почти обязан» быть заёмщиком банков. А для того, чтобы эти нормы работали, в США активно действуют конторы, которые проверяют — причём за отдельную плату самих заёмщиков, их кредитное прошлое, и выставляют им «кредитный рейтинг». Хотя многие американцы считают, что система кредитного рейтинга в стране доведена до абсурда, пока что о её изменениях речи нет.

Способствует обширному кредитованию и то, что в США физическое лицо может объявить себя банкротом — если человеку нечем расплачиваться, то его долги будут списаны — но заодно обнулится кредитный рейтинг. Но пока он на приличном уровне, взять в банке кредитную карту без проверки платёжеспособности — для клиента не проблема.

В результате принципа «заработай сегодня — потрать завтра» придерживаются в

Америке в основном приезжие из Индии, Китая, Восточной Европы. Но уже их дети, выросшие в Америке, перенимают кредитную активность коренных американцев.

А эта кредитная активность уже давно приобрела опасный характер. В 1930–1960-е годы американская семья «по одежке протягивала ножки». И если потребление семьи росло, жена-домохозяйка искала работу. А если кто-то работу терял, то семья начинала экономить. Сегодня же американская семья просто наращивает свой кредит «в ожидании лучших времён». И сейчас, по данным статистики, *43% американских семей тратят за год больше, чем зарабатывают. То есть постоянно «живут в займы».*

Граждане США начинают жизнь в займы сразу после школы — со студенческого займа. Получив диплом университета, молодой

специалист уже, как правило, имеет долг в \$40–50 тыс., который будет выплачивать не один год. Примерно 2/3 выпускников имеют задолженность по кредиту за обучение, а общий объём долгов студенческого кредита в США приближается \$1 трлн.

Знаменательно, что, как выяснили исследователи из Университета штата Огайо, задолженности по кредитной карте молодого человека (18–27 лет) поднимают его самооценку. Наличие этих долгов даёт самоощущение, что он самостоятелен, кредитоспособен, сам управляет своей жизнью, вырвавшись из-под родительской опеки.

Особенно часто этот синдром проявляется у выходцев из семей с низким или средним доходом. Вместо того чтобы выплачивать кредит на обучение, выпускники, начиная трудовую деятельность, наращивают размеры дол-

га, и лишь к 28–34 годам начинают беспокоиться по его поводу.

Но к этому времени к долгам за обучение прибавляются кредиты на автомобиль (в Америке, где общественного транспорта мало, автомобиль — необходимое средство передвижения). Около 70% автомобилей в США покупают по автокредитам, причём длительным: 45% новых автокредитов выдаётся более чем на 6 лет. А после того как у молодого человека появляется семья, опять-таки в долг приобретается дом или квартира.

Помимо крупного кредитования, большинство американцев ещё попадают в «кредитные пластиковые сети» потребительского искушения.

Впрочем, в Америке всё перечисленное не так страшно, если у членов семьи есть работа. Или им не нужна серьёзная (в смысле за-

тратная) медицинская помощь. Согласно докладу, опубликованному в журнале *American Journal of Medicine*, счета за медицинские услуги являются в США главной причиной более чем 60% личных банкротств. И это — несмотря на то, что 75% граждан, обанкротившихся из-за медицинских счетов, имели медицинскую страховку.

Именно это кредитно-потребительское безумие Америки, как сейчас уже вполне доказано, стало «спусковым крючком» сначала американского, а затем и мирового кризиса, в котором мы до сих пор пребываем. Огромное множество ничем не обеспеченных (прежде всего, ипотечных) кредитов, выданных лицам с якобы благополучным кредитным рейтингом, финансовые инструменты, созданные на основе этих необеспеченных кредитов, их распространение по всему миру

— и в итоге глобальный финансовый крах.

По данным экспертов МВФ за 2012 г., из-за неуплаты ипотечных кредитов 2,5 млн американцев лишились своей собственности. Плюс ещё 1,5 млн владельцев квартир и домов постоянно задерживают платежи по ипотеке и также находятся под угрозой потери жилья.

К тому же сократилось количество рабочих мест (и, значит, возможностей выплачивать кредиты). Снизились реальные зарплаты. Всё это ведёт к неуклонному росту количества попавших в «кредитную ловушку» американских домохозяйств. Средний доход домохозяйств падает (менее \$50 тыс.), а средний долг растёт (\$75 тыс.). То есть в благополучной Америке растут масштабы реального долгового рабства.

Но вернёмся в Россию. У нас «кредит-

ный прогресс» всё более напоминает американский. Россияне активнее тратят, чем сберегают. И тратят больше, чем могут себе позволить. В последние два года взять кредит в России (особенно потребительский) стало не просто, а очень просто. Иногда даже не надо посещать офис банка: кредитную карту можно заказать в интернете или по телефону, и её доставят на дом по почте. Точно так же для кредита уже не нужна, как прежде, куча справок — достаточно предъявить паспорт.

Конечно, за такой сервис нужно платить — прежде всего, высокими процентными ставками. И банки уже не единственные игроки на финансовом поле.

Россия переняла опыт США по развитию системы микрозаймов (в 2008 г. типичный микрозайм в США составлял \$300 наличными на две недели под 391% годовых). В 2011 г.

у нас вступил в силу закон «О микрофинансовой деятельности», согласно которому любой желающий может создать кредитную компанию, зарегистрировать её в реестре Федеральной службы по финансовым рынкам, и выдавать деньги (под собственные условия). С тех пор каждый месяц в России открываются сотни подобных компаний (в марте 2012 г. их было 1 189).

Деньги на короткий срок (например, на неделю) выдаются за 15–30 минут без справки о доходах, без поручителей, по одному документу, но с высокой процентной ставкой. Так, в 2012 г. малоизвестная компания «Мини-Займ Экспресс» (создатель Ю. Глоцер) начала выдавать кредиты населению (прежде всего, пенсионерам) через отделения «Почты России». Место знакомое, но условия кредитования драконовские: взяв 3 000 руб-

лей, через неделю нужно вернуть 4 499 руб., а через месяц — почти 5 000. Такая вот помощь пенсионерам. Доходность операции для компании-кредитора — 2 600% годовых!

Но даже такой заём пользуется спросом у малообеспеченных слоёв населения. Они не могут получить деньги в банке: плохая кредитная история, банк отказывает. Как правило, это сотрудники бюджетной сферы, рабочие, пенсионеры.

Объём рынка микрозаймов уже достиг 18,5 млрд рублей, выдано около 2 млн кредитов, и рынок будет расти.

Спросят: «А что плохого в том, чтобы бедный человек взял определённую сумму под слабое обеспечение и не отдал эту сумму? Бедный человек станет чуть-чуть богаче. Что же касается банка — то на его корыстный интерес нам наплевать».

Отвечаю. Неужели вы считаете, что банк настолько глуп, чтобы давать деньги, не имея чёткого представления о том, как он их будет возвращать? Да, у него нет метода возвращения кредита путём изъятия заложенного имущества на основе качественных, чётко проработанных договорных отношений между кредитором и кредитуемым. Но в нашей стране существуют многочисленные способы изъятия денег — или их эквивалента — путём нажима на слабого, растерянного, неграмотного человека, залезшего в долг. Российские банки не будут ввязываться в судебные тяжбы, аналогичные тем, которые ведутся в Америке. Они будут добиваться возврата иными способами — тем более резкими, чем слабее и беззащитнее тот, кто влез в кредитную кабалу.

По состоянию на декабрь 2012 г. в Рос-

сии задолженность населения перед банками составила 7,6 трлн руб., из них 317,3 млрд руб. — просроченная задолженность. Причём незакрытые кредиты есть у четверти россиян, а средний долг на одного работающего — 87 тыс. руб.

С учётом сказанного мною выше это означает, что большая часть граждан нашей страны (причём в первую очередь граждан, не способных постоять за себя мощно и грамотно) погружается в настоящее долговое рабство. Да-да, именно в рабство! Погружение в это состояние и есть часть социоида, осуществляемого через предоставление кредита.

Долговое рабство существовало в различных культурах. В древние века при рабовладельческом строе — повсеместно (в Месопотамии, Египте, Греции, Риме). Должников, неспособных выплатить долги, отдавали

в рабство кредитору (нередко с семьёй, или в залог отдавались дети). Где-то были смягчающие условия, ограничивающие долговое рабство 3–5 годами, но чаще в рабстве должник оставался пожизненно.

Сегодня Всемирная организация труда указывает на существование долгового рабства в Индии, Пакистане, Китае, государствах Африки и Латинской Америки. В Нигере, например, до 2003 г. 8% населения страны находилось в долговом рабстве, нередко внуки и правнуки отрабатывали долги своих дедов и прадедов.

Вывод: кредитное рабство в России — это ещё одна из технологий архаизации общества, его геттоизации. Ещё одна из технологий создания такой зоны «Ч», выход из которой фактически невозможен.

Вера Сорокина

Война с историей

Дух Ленина и дух Власова

Звучащие сегодня, в мерзейших традициях перестроечного «Покаяния», требования произвести символическое выбрасывание «трупа Ленина на свалку» — оскорбляют всех бывших советских людей

**Тов. Ленин ОЧИЩАЕТ
землю от нечисти.**

На этой неделе, 22 апреля, мы праздновали день рождения Владимира Ильича Ленина — великого революционера, основателя советского государства.

Наиболее характерным является мнение о Ленине его противников. Так, эмигрировавший из России после революции великий князь Александр Михайлович Романов писал: *«... На страже русских национальных интересов стоял не кто иной, как интернационалист Ленин, который в своих постоянных выступлениях не щадил сил, чтобы протестовать против раздела бывшей Российской империи...»*. Солидарен с князем был и высланный на «философском пароходе» Н. Бердяев, отмечавший: *«Ленин потому мог стать вождём революции и реализовать свой давно вырабатанный план, что он не был типиче-*

ским русским интеллигентом. В нём черты русского интеллигента-сектанта сочетались с чертами русских людей, собиравших и строивших русское государство. . . . Как это парадоксально ни звучит, но большевизм есть третье явление русской великодержавности, русского империализма. . . ».

Бердяевские же «типические интеллигенты-сектанты» — ничуть не изменившиеся за столетие и недавно оформившиеся в так называемый креативный класс — накануне нынешнего дня рождения Ленина, самолюбуюсь, разоткровенничались. 20 апреля в «Твиттере» состоялся душевный диалог на «ты» между главой радиостанции «Эхо Москвы» А. Венедиктовым и министром культуры В. Мединским. Венедиктов: «Спросить что ли ВВП на

Прямой линии, когда он перезахоронит Ленина?...» Мединский: «Спроси»».

А 22 апреля Б. Немцов призвал в «Московском комсомольце» захоронить Ленина, так как «у нас специфическая страна, на неё распространяются мистические законы, и у многих людей есть мнение, что пока Ленина не похоронят — ничего хорошего в России произойти не может». Странный мистический аргумент, понятный в устах какого-нибудь погромщика, разглагольствующего на маргинальном сайте о «тянущем кровь из жил сатанинском зиккурате» (так они обзывают Мавзолей), но удивительный в устах «просвещённого западника» Немцова... При этом предположение корреспондента о том, что вынос Ленина из Мавзолея может вызвать массовое недовольство, Немцов решительно отверг:

«Отмороженные ленинцы — в абсолютном меньшинстве».

Но если сторонников Ленина так мало, как уверяет нас г-н Немцов, то почему же либералы вдруг столь прицельно озаботились судьбой Мавзолея? Ну подождали бы ещё пяток лет, а там, глядишь, все «отмороженные» и вымерли бы, и можно было бы расправиться с Лениным по-тихому... Но нет, Немцов, Венедиктов и Ко решительно не желают успокаиваться, что смотрится совсем уже демонстративно после недавнего сравнения Президентом Мавзолея с Киево-Печерской лаврой — ясно, казалось бы, подводящим черту под темой выноса Ленина. С чего бы такая настойчивость?

20 апреля «Левада-Центр» опубликовал результаты опроса, в соответствии с которыми рейтинг Ленина в последнее время вы-

рос. Доля полагающих, что Ленин «не любил и не понимал» Россию, сократилась с 5% в 1995 г. — до 2%; считающих Ленина «жестоким диктатором» — с 12% до 5%; «политическим авантюристом» — с 12% до 7%. При этом количество тех, для кого Ленин «вождь», осталось, как и было, — 17%. И если для людей старше 40 лет сумма положительных оценок превышает сумму отрицательных более чем в 1,5 раза, а для людей от 25 до 40 лет они практически равны — то «среди молодёжи до 25 лет» (внимание!) сегодня отмечается преобладание положительных оценок.

Итак, современное молодое поколение позитивнее относится к Ленину, чем поколение 90-х. И не этот ли очевидный рост авторитета Ленина среди молодёжи является истинной причиной желания наших либералов-сектантов поскорее расправиться с Мавзолеем?

ем?

При этом основной объект тревоги либералов, конечно же, не полуголодная левая молодёжь — эти «мухи» и «анчоусы», пыль под ногами креативного класса — но «высокие», а также «особо высокие» круги. Свою обеспокоенность приверженностью этих кругов советским ценностям ясно высказал на днях ответственный редактор «Журнала Московской Патриархии» С. Чапнин (не путать с протоиереем В. Чаплиным) — известный представитель либерального крыла РПЦ и один из основателей фонда «Возвращение», стоящего за нынешней антиленинской кампанией. (Сопредседатель Попечительского совета фонда — Мединский). 17 апреля Чапнин заявил, что *«религиозное отношение к коммунизму сохраняется и сегодня, в том числе среди государствен-*

ных чиновников». В качестве примера Чапнин привёл недавнее признание *«молодого вице-премьера»* (опять эта молодёжь!) Аркадия Дворковича.

Лично я вхожу в политсовет коммуно-патриотического движения «Суть времени» — движения явно «реакционного» в понимании г-на Дворковича и иже с ним — и потому заподозрить меня в симпатиях к Дворковичу невозможно. Но заявление Дворковича, сделанное в конце 2012 г., (*«Невозможно отменить всё то, что подписано Лениным, — заявил тогда Дворкович, — это кощунство»*.) заслуживает внимания. Времена меняются. Они меняются неумолимо. И будь ты хоть трижды Дворкович — эти изменения и на тебя окажут соответствующее воздействие.

Особое негодование Чапнина вызвало то,

что Дворкович использовал, говоря о нежелании исправлять экономические указы Ленина, слово «кощунство»: *«То есть Дворкович не постеснялся показать свою весьма специфическую религиозность. И это не экзотика, не единичный пример. Есть подобные высказывания и у депутатов Государственной Думы, и даже на президентском сайте»*. Добавим, что в этот ряд явно напрашивается и сам Президент с его высказыванием о Киево-Печерской лавре. (Негативизму либерала-Чапнина в отношении власти не стоит удивляться, учитывая, что намеренно он и об одном из решений Патриарха — это при церковной-то дисциплине! — позволил себе высказаться весьма критически...). Ну, а заканчивает свою лекцию Чапнин ханжеской жалобой на то, что нынешнее молодое поколение является *«трагическим»* (то бишь, «по-

терянным»), ибо возвело в культ потребление.

Но какова для молодёжи альтернатива? И зачем нужно церковному либералу Чапнину так сознательно рубить тот последний «сук» советских ценностей, на котором государство держится? И отказываясь от которых, молодёжь, как он сам признаёт, трагически скатывается в потребление?

Тут всё вполне прозрачно. Чапнин — редактор книги отца Георгия Митрофанова (ещё один церковный либерал, так сказать) «Трагедия России». Книга вышла в 2009 г. Она, по сути, сняла табу на восхваление Власова в нашей православной среде. Так что альтернативой верности советским ценностям должна стать присяга предателю-коллаборационисту Власову! А вы как думали?!

Характерно, что провласовской позиции придерживается и член оргкомитета «За вынос Ленина!» отец Сергей Рыбко, напрямую сегодня увязывающий тему Власова с темой «Нюрнберга-2»: *«Немцы нашли в себе силы не только дегероизировать Гитлера, назвать вещи своими именами и выкинуть из памяти всё, что с ним связано, но и попросить прощения у всех пострадавших от фашистского режима. То же самое надо сделать с ленинской идеологией, ведь суда над коммунизмом не было. А тогда было пролито больше крови, особенно благодаря Ленину... Тот, кто пытался спасти Отечество и помочь людям, как генерал Власов, достойны почтения».* «Действительно», куда уж Ленину, признаваемому даже своими противниками твёрдым ревнителем государства, до Власова, «спаси-

теля Отечества» по рецептам Гитлера! Вопросы тут, что называется, излишни.

Что касается светской либеральной среды, то табу на тему Власова было снято здесь гораздо раньше, чем в церковной. Так, всё тот же Венедиктов, выступая в 2006 г. на «Первом канале», на вопрос «Допустимо ли переписывать историю Великой Отечественной войны?» заявлял, что «допустимо», ибо в советских школах извращали историю: *«Мы должны были знать, что власовская армия — 700 тысяч человек, и мы должны понимать, почему так случилось»*. На деле на апрель 1945 г. численность РОА составляла лишь около 120 тысяч человек — то есть профессиональный историк Венедиктов, призывая к осознанию «обширного» феномена власовщины, на деле нагло солгал, завысив количество власовцев аж в 6 раз. Что, со-

гласитесь, вызывает вопрос либо к профессионализму Венедиктова, либо к его порядочности.

А в 2008 г. сам «отец» российского либерализма, бывший мэр г. Москвы Г. Попов опубликовал книгу под более чем примечательным названием «Вызываю дух генерала Власова». Обращаясь к этому самому духу Власова, Попов писал: *«В вас я вижу предтечу антисоциалистической народной революции 1989–1991 годов»*. Это — крайне, согласимся, откровенное — признание о характере перестройки-1. А далее — обращаясь всё к тому же духу Власова — Попов переходил к современности: *«Вы были родоначальником того варианта антисталинизма и анти-социализма, который основан на идеях, актуальных и сейчас. И пока наше современное демократическое движение не*

осознает своего родства именно с вами, который сумел в тяжелейших условиях устоять между Сталиным, Гитлером и Западом, — оно не будет прочным и перспективным». Вот чей дух сегодня настойчиво вызывается либералами во имя торжества перестройки-2 и под разговорчики о «мистически вредном» Ленине — дух Власова.

Зададимся вопросом: каковы не мистические, а вполне реальные международные референты Попова? Попов — бывший председатель российского отделения «Всемирной лиги за свободу и демократию»: так в постсоветское время стала называться пресловутая «Всемирная антикоммунистическая лига». (Напомним, кстати, что сегодняшний наследник Попова на посту главы российского отделения Лиги Н. Жданов-Луценко является по совместительству главой «Московско-

го Дома соотечественника» — структуры, состоящей при департаменте мэрии. Укорененность Лиги в мэрии Москвы вряд ли является случайной.) Ну так вот, Лига была создана после Великой Отечественной войны при активном участии бандеровцев. Союз власовцев и бандеровцев оформлялся гиммлеровским СС в ходе войны. И после неё он сохранил все свои свойства, вытекающие из факта такого первоначального оформления. Так что более чем понятно, почему глава российского отделения антикоммунистической Лиги Попов призывает снизить на Россию дух Власова.

Звучащие сегодня, в мерзейших традициях перестроечного «Покаяния», требования произвести символическое выбрасывание «трупа Ленина на свалку» — оскорбляют всех бывших советских людей, понимающих, чего

добиваются новые перестройщики. И делающих свой однозначный выбор между духом Ленина, то есть духом радикально обновительного имперского патриотизма — и духом Власова, духом предательства, духом лакейства перед иноземцами.

Ирина Кургинян

Мироустроительная война

Иранские перспективы — 2

Задача США такова. Сначала до предела подогреть конфликт между Ираном и Израилем. Затем позволить Израилю нанести огромный ущерб Ирану, а Ирану — нанести неприемлемый ущерб Израилю. А после этого — продолжить мироустроительную работу

Президент США Барак Обама и
премьер-министро Израиля Биньямин
Нетаньяху

Прошлый выпуск рубрики «Мироустроительная война» мы закончили развёрнутой цитатой из выступления Барака Обамы от 20 марта 2013 года, в котором американский президент заявляет о том, что иранский на-

род *«заслуживает тех же прав и свобод, что и люди во всём остальном мире»*. Мы отметили также, что подобные выражения в адрес народов американские официальные лица чаще всего используют перед началом активной фазы подрыва режимов в странах Ближнего Востока и Северной Африки.

В самом деле, это заявление Барака Обамы является важнейшим звеном нового этапа американского давления на Иран. И в этой связи крайне существенно то, что заявление Обамы не случайно прозвучало не где-нибудь, а в Израиле. Поскольку именно Израилю Соединёнными Штатами отводится центральная роль на новом этапе антииранской кампании.

Коварство этой американской игры состоит в следующем. США не хотят сами ата-

ковать Иран. При этом полноценно ответить на их атаку Иран не может. США находятся далеко, и у Ирана нет возможности нанести США неприемлемый ущерб. А вот нанести этот ущерб Израилю Иран может. А значит, задача США такова.

Сначала до предела подогреть конфликт между Ираном и Израилем. Затем позволить Израилю нанести огромный ущерб Ирану, а Ирану — нанести неприемлемый ущерб Израилю. А после этого можно будет продолжить мироустроительную работу, строить совсем новый Большой Ближний Восток, освободившись от помех в построении такого — радикально-суннитского, разумеется — Большого Ближнего Востока. Притом, что помех в построении такого Ближнего Востока две: Иран и Израиль.

Подтверждают ли факты возможность по-

добной мироустроительной американской затеи?

Усиленную разработку темы угрозы Израилю со стороны Ирана в американских выступлениях можно было обнаружить уже зимой 2012–2013 г. Один из ярких примеров — это доклад Ариеля Коэна, старшего научного сотрудника по вопросам изучения России, Евразии и международной энергетической политики Heritage Foundation. Коэн выступил со своим докладом ещё в начале декабря 2012 года в Конгрессе США, перед подкомитетом по Европе и Евразии комитета по иностранным делам.

В докладе Коэна Ирану дано такое определение: *«Исламская Республика Иран превратилась в основного игрока, нарушающего статус-кво на Ближнем Востоке и угрожающего суннитским арабским со-*

юзникам Америки вдоль территории так называемого шиитского полумесяца, от Ливана, через Сирию и Ирак, до Персидского залива. Широко освещалась неукротимая ненависть Ирана к Израилю и его угрозы стереть это еврейское государство с карты мира».

При этом сам доклад Коэна был посвящён вовсе не Ближнему Востоку, а неприемлемому для США влиянию Ирана на Южный Кавказ. В нём даётся внятное объяснение причин особого интереса США к Закавказью в связи с Ираном и не только с ним: *«После распада СССР Вашингтон стремился к тому, чтобы предотвратить восстановление доминирования России и Ирана на Южном Кавказе, особенно в условиях всё возрастающей значимости каспийских энергетических ресурсов — неф-*

ти и газа. «Если учесть, что этот регион привлекает русских, иранцев и турок, то неизбежно возникновение интереса к нему также со стороны мировой державы [США — А. Коэн.]», — отметила государственный секретарь США Хилари Клинтон во время своего визита в регион в июле 2010 года».

Однако и в этом южно-кавказском пассаже доклада Коэна постоянно прослеживается роль Ирана как особой угрозы именно для Израиля: *«Иранцы несут ответственность, по крайней мере, за две недавние (2012 г.) документально подтверждённые террористические атаки на американские и израильские объекты в Азербайджане и одну — в Грузии. Иранские сети и агенты нацеливались на посольство США в Азербайджане и на такие «знако-*

вые» места, как *McDonalds*. (Это, конечно, особо ценный объект. . .)

Их целями были также израильский посол, здание израильского посольства, раввин, ряд видных представителей азербайджанской еврейской общины и их центр в Баку.

Грузинские спецслужбы обезвредили бомбу, заложенную, несомненно, иранскими агентами и предназначенную для израильского дипломата, поскольку Грузия разрешает иранцам безвизовый въезд в свою страну».

Заметно, что в докладе настойчиво педалируется угроза, которую действия Ирана в Закавказье несут именно для израильских граждан.

В этом смысле особенно смехотворен пассаж о бомбе, «заложенной, несомненно, иранскими агентами». Почему «несомненно иран-

скими»? Их взяли с поличным?

Такое изошрённое мифотворчество призвано разогреть конфликт между Ираном и Израилем и скрыть от всех действительную причину того, что американцы сами умывают руки и очень навязчиво рекомендуют Израилю самоубийственный для него сценарий борьбы с Ираном, так сказать, один на один.

Эту действительную причину господин Коэн проговаривает сквозь зубы, пряча её за грудой слов о жутких происках Ирана против Израиля: *«Туркменистан мог бы поставлять свой газ на запад через быстроразвивающуюся экспортную систему трубопроводов Азербайджана для его продажи в Турции и Европе. Однако в результате непримиримости Ирана почти весь туркменский газ поставляется в Китай».*

Так вот в чём на самом деле дело! Пре-

ступление Ирана в том, что туркменский газ — да и не только он — направляется аж в сам Китай, безмерно пугающий США. Для того чтобы он туда не направлялся, стоит поработать на разогрев ирано-израильского конфликта. Тем более что разогреть-то совсем нетрудно.

Разобрав доклад Коэна, перейдём к более масштабным акциям, ориентированным на достижение той же цели.

В начале марта 2013 года в американском Сенате началась кампания по продвижению идеи удара по Ирану. Сенатор-республиканец Линдси Грэм и сенатор-демократ Роберт Менендес выдвинули соответствующий законопроект. При этом речь идёт вовсе не о прямых военных действиях самих США против Ирана. В основе законопроекта находится обещание поддержать Израиль в случае его удара

по Ирану. То есть США предпочитают угрожать Ирану военными действиями не от себя, а действовать израильскими руками, наращая многолетнее ирано-израильское напряжение.

В законопроекте Грэма и Менендеса сказано: *«Если Израиль вынужден предпринять военные действия для самообороны, правительство США должно поддерживать Израиль и оказать дипломатическую, военную и экономическую поддержку правительству Израиля, которое защищает свою территорию, народ и существование».*

Как сказал Роберт Мендес, *«мы просто обещаем, что в случае необходимости самозащиты [Израиля], мы будем там».*

4 марта с призывом к Ирану о прекращении разработки ядерных технологий высту-

пил вице-президент США Джозеф Байден, выступая на ежегодной конференции влиятельнейшего «Американо-израильского комитета по общественным связям» (AIPAC). Байден подчеркнул, что окно возможностей для мирного урегулирования иранского вопроса «закрывается». А также отметил, что США не исключают никаких вариантов урегулирования иранской ядерной проблемы, в том числе военного.

На той же конференции AIPAC было заслушано по видеосвязи выступление главы правительства Израиля Нетаньяху об иранской угрозе. Нетаньяху говорил о «красной линии», которую Иран ещё не пересёк, но к которой приближается. Моментом пересечения Нетаньяху считает концентрацию в Иране нужно количества 20-процентного урана, достаточного для изготовления начинки

для боеголовки — после его доведения до оружейной концентрации. Поэтому, сказал Нетаньяху, *«санкции должны быть совмещены с реальной угрозой применения военной силы в случае, когда дипломатия не приносит результатов»*.

Интересно, что конференция в АИРАС совпала с уверениями американских СМИ по поводу того, что, наконец, исчезла напряжённость в отношениях между США и Израилем, продолжавшаяся весь первый президентский срок Обамы. И вот теперь начинается новый этап американо-израильских отношений. Каких отношений? Таких, при которых Израиль выступает в роли одного из основных инструментов американского давления на Иран.

Для полноценного задействования такого инструмента США и впрямь крайне необходимо смягчение далеко не безоблач-

ных американо-израильских отношений. Наблюдатели отмечают, что на конференции AIRAC Байденом не было сказано ни слова о необходимости возобновления палестино-израильских переговоров, а также о еврейских поселениях на спорных территориях.

Чуть раньше этой столь представительной конференции в AIRAC в аналогичном ключе высказался, находясь в Эр-Рияде, госсекретарь США Джон Керри: *«Иран знает, что ему нужно делать. Президент Барак Обама дал понять, что решительно настроен проводить свою политику, добиваясь того, чтобы Иран не получил ядерное оружие»*.

Надо сказать, что Иран действительно знает, что ему делать. Правда, его представления об этом весьма далеки от американских.

4 марта, одновременно с выступлением Джозефа Байдена, прозвучало заявление главы Организации по атомной энергии Ирана (ОАЭИ) Ферейдуна Аббаси Давани. Руководитель ОАЭИ сообщил, во-первых, что Иран уже закончил организацию поточной линии для сборки трёх тысяч центрифуг нового поколения. Которые заменят устаревшие устройства по обогащению урана. При этом в документах МАГАТЭ сообщалось, что на ядерном объекте в Натанзе уже готовы места для дополнительных центрифуг.

Во-вторых, объявил глава ОАЭИ, в стране уже разработан собственный проект ядерного реактора на 360 мегаватт.

На следующий день, 5 марта, с заявлением выступил командующий вооружёнными силами США на Ближнем Востоке Джеймс Маттиас. Он обратился к Комитету по во-

оружённым силам Сената США, подчеркнув, что *«Тегеран продолжает активно развивать свою ядерную программу, несмотря на принятые меры»*. И что у Вашингтона есть несколько способов поставить Иран на колени.

Мартовский обмен выступлениями показал, что Иран сохраняет неуступчивость и при усилении политического давления со стороны США и их союзников. После этого политическая представительность антииранской риторики с участием США и Израиля была выведена на высший уровень — уровень участия первых лиц двух названных государств.

21 марта, находясь в Израиле, Обама провёл переговоры с израильским премьер-министром Нетаньяху, который заявил, что переговоры с Ираном и санкции против него

необходимо дополнить угрозой военной операции.

Обама, выступая в Иерусалиме на пресс-конференции, согласился с Нетаньяху и отметил, что израильский премьер *«совершенно прав, когда даёт понять, что каждая страна должна сама принимать решения относительно вовлечения в любую военную акцию»*. Обама добавил: *«Израиль расположен не там, где США, и я бы не ждал, что премьер-министр будет [принимая] решения, касающиеся безопасности своей страны, оставлять их на усмотрение какой-то другой страны»*.

Таким образом, Израиль получил высочайшее разрешение (если не сказать «поручение») на самостоятельные силовые действия против хорошо вооружённого и политически консолидированного Ирана. И, подчеркнём

ещё раз, поощряя крайние настроения израильских политиков и выставляя Израиль вперёд в виде живого щита, США жестоко играют его судьбой.

Потому что в это же время, 21 марта, во время пребывания Барака Обамы в Израиле, верховный лидер Ирана аятолла Али Хаменеи выступил с предупреждением о последствиях возможного израильского удара по Ирану. Хаменеи сказал: *«Когда руководители сионистского режима угрожают начать военное вторжение, они знают, что если они совершат малейшую ошибку, Исламская Республика сравняет с землёй Тель-Авив и Хайфу».*

Для США такая реплика, безусловно, чрезвычайно выгодна, так как может использоваться (и используется) для подтверждения реальности иранской угрозы Израилю.

Далее, 16 апреля, в День независимости Израиля, Комитет Сената по внешним делам США принял резолюцию 65. Резолюция, посвящённая сдерживанию иранской ядерной программы, предусматривает оказание безусловной военной и дипломатической помощи Израилю в случае атаки против Ирана.

В этот же день впервые прозвучало заявление иранского официального лица о намерении страны получать высокообогащённый уран. Глава ОАЭИ Ферейдун Аббаси-Давани заявил ИА FARS, что *«у Ирана нет планов по обогащению урана свыше 20-процентного уровня»*, но что *«в некоторых случаях, таких как корабли и подлодки, для которых необходимо производить компактные двигатели, топливо должно быть обогащено до 56%»*.

То есть Иран в очередной раз принял за-

падный вызов.

Таким образом, можно констатировать, что на Ближнем Востоке США активно срабатывают Иран и Израиль, разогревая конфликт между ними. Если этот конфликт перейдёт от риторики к каким-либо военным акциям, возникает, пока ещё гипотетическая, возможность разворачивания на Ближнем Востоке новой разновидности мироустроительного конфликта. А именно — конфликта между двумя государствами.

А переход такого конфликта в «горячую» фазу — безусловно, кардинальным образом изменит военно-политическую ситуацию не только на Ближнем Востоке, но и в глобальном масштабе.

Мария Подкопаева

Концептуальная война

Индивидуализм и развитие

Классический либерализм вводит в свою нормативность понятия морального (религиозного или светского) долга индивиду-гражданина перед обществом, в нём возникает акцент на религиозных заповедях, адресующих к человеческому равенству и нестяжательству

Развёртывание концептуальной войны между сторонниками коллективизма/социализма и индивидуализма/либерализма в XIX веке и далее шло в условиях уже давно и прочно закрепившегося в евроатлантическом мире индивидуалистического буржуазного Модерна.

Для содержательного рассмотрения этой войны мне придётся дать хотя бы минимальное (но в какой-то мере «академическое») описание того, чем в концептуальном смысле являлись «противоборствующие стороны». Это представляется важным хотя бы потому, что многие наши «сутевцы» регулярно проигрывают в интеллектуальной полемике с современными «либералами», не зная ни истории индивидуализма и либерализма, ни его важнейших концептуальных вариантов.

Итак, начну с индивидуализма.

К середине XIX – началу XX вв. Модерн уже несколько столетий разрабатывал, уточнял, развивал разнообразные представления об индивидуализме как источнике и механизме общественного развития.

Каковы же это были представления?

На условном «левом» фланге индивидуализма его концепции сдвигались от радикального «антиобщественного» индивидуализма раннего Нового времени, с его абсолютным приоритетом интересов индивида (ценностных, социальных, экономических и т.д.) над общественными или институциональными (в том числе, государственными) интересами, — к так называемому классическому либерализму.

Классический либерализм, как и его радикальный предшественник, признаёт первичность человека-индивида в отношении обще-

ства и государства — якобы, создаваемых индивидами позднее. И потому считает права человека на свободу деятельности и частную собственность его изначальными «естественными правами». Однако при этом классический либерализм не только сковывает индивида, начиная с Томаса Гоббса, рамкой «общественного договора» и растущего множества законодательных ограничений его активизма. Он ещё делает акцент на требованиях равенства и справедливости, которые слишком грубо попираются ранним индивидуализмом Нового времени.

Классический либерализм, начиная с идеологов Великой французской революции (Жан-Жак Руссо) с её идеями свободы, равенства и братства, и продолжая Томасом Джефферсоном, Иммануилом Кантом и др., вводит в свою нормативность понятия мо-

рального (религиозного или светского) долга индивида-гражданина перед обществом.

В классическом либерализме возникает акцент на религиозных заповедях, адресующих к человеческому равенству и нестяжательству.

В классическом либерализме напоминают, что Адам Смит до своей книги «Богатство народов» (о «невидимой руке рынка», создающей из частных стремлений к прибыли общее благо), написал другую книгу, которая называлась «Теория нравственных чувств». И что Смит в этой книге формулировал моральные и поведенческие требования к тому «обществу индивидов», в котором только и может быть эффективной «невидимая рука рынка». И что Смит в «Богатстве народов» не только писал о «невидимой руке», но и подчёркивал важнейшую роль государства и общества

в поддержке неимущих и обездоленных.

Наконец, в этом же русле классического либерализма находится и тезис Иммануила Канта: *«Моя свобода кончается там, где начинается свобода другого человека»*.

В концепции классического либерализма для защиты политических и экономических свобод и собственности индивидов требуется государство. Хотя — минимальное в его способности вмешиваться в дела индивидов, и ограниченное в этой своей способности рамками законов. Однако в этой концепции государство уже не только защищает индивидов и общество от нарушений законов и внешних угроз, но и ограничивает активизм индивидуальных волей определённым «руслom». И — тем самым — способствует суммированию результатов активности индивидуальных волей в общем историческом потоке прогресса.

Дальнейшим развитием «левой» версии индивидуализма стал так называемый социальный либерализм (Джон Гобсон, Вальтер Ойкен, Бенедетто Кроче и др.). «Социальные либералы» понимали справедливость критики либерализма со стороны ранних социалистов и затем марксистов. Они видели, что нищета социальных низов, невыносимые условия их труда и жизни — нарастают, и что для этих низов заявления либералов об открытых возможностях для инициативы и самостоятельной активности звучат издёвкой. А ещё — и это, возможно, важнее всего — они видели, что базовый либеральный принцип *«свободной игры индивидуальных интересов»* вовсе не гарантирует даже экономического прогресса. Поскольку этот принцип приводит к войнам, революциям и, в конечном итоге, к *«историческим откатам назад»*.

«Социальные либералы» начали в той или иной мере перенимать у марксизма идеи социальной справедливости и солидарности. И пришли к выводу о необходимости усиления государства для расширения его регулирующих функций и возможностей, и о праве и обязанности вмешательства государства в жизнь общества. Видимо, завершающая фаза развития «социального либерализма» — идеи Джона Мейнарда Кейнса, ставшие основой политики США и Англии в период Великой депрессии.

Кейнсианство дополнило (и ограничило) либеральные принципы индивидуализма, свободного рынка и свободной экономической, социальной, политической конкуренции — обязанностями государства проводить необходимое регулирование социальной жизни и экономики в интересах общества. Имен-

но на принципах кейнсианства далее строилось то европейское «государство всеобщего благосостояния», обрушение которого мы сегодня наблюдаем.

В то же время в США кейнсианство «социального либерализма» уже к 1960-м годам сдвинулось к так называемому этическому индивидуализму (Джон Дьюи и др.). Который, адресуясь к религиозным представлениям о «справедливости», требовал от государства лишь активной поддержки обездоленных, но одновременно — невмешательства в другие сферы социальной и экономической жизни индивидов.

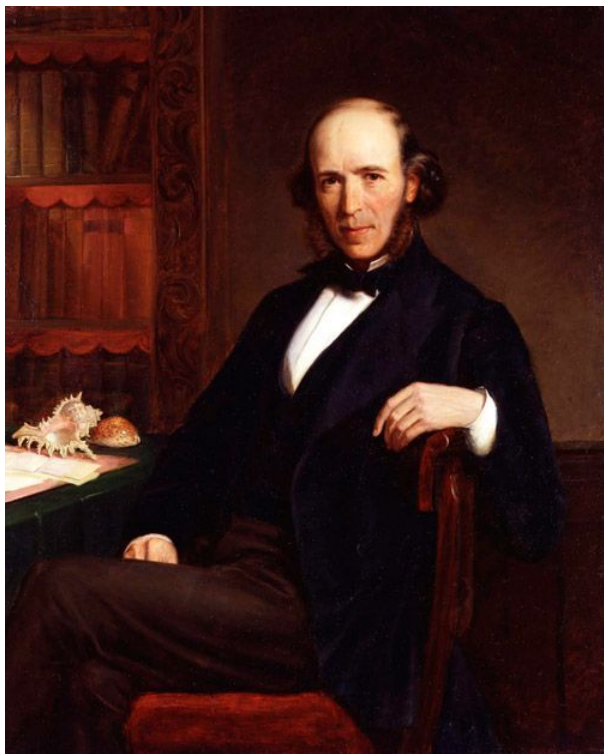
Однако при этом индивидуализм с его постулатом «в моих неудачах виноват только я сам», со времён отцов-основателей США прочно утвердившийся в общественном сознании, продолжал играть роль главного

принципа организации американского общества. Он культивировался и воспитывался, что называется, с пелёнок. В рамках этой мировоззренческой позиции (конечно же, в большой степени сознательно идеологизированной и мифологизированной) любой индивид может, приложив личные усилия, талант и упорство, стать культурным, научным, политическим, экономическим «героем», творящим общечеловеческую историю.

На другом (условно назовём его радикальным правым) фланге индивидуализма формировались концепции социал-дарвинизма и воинствующего эгоизма.

Идеи социал-дарвинизма наиболее отчётливо сформулировал Герберт Спенсер, который понимал крайний индивидуализм в человеческом обществе как необходимое и неизбежное проявление единого для живой

природы принципа «выживает сильнейший». Признавая и объясняя социальный прогресс и историческое развитие человечества, Спенсер считал их главным «мотором» естественный отбор «лучших» как универсальный закон природы: *«... существо, недостаточно энергичное, чтобы бороться за своё существование, должно погибнуть».*

Герберт Спенсер

Идеи Спенсера и его последователей (Уильяма Самнера, Густава Ратценхофера, Эдварда Юманса и др.) были популярны в Европе и США — в противовес марксизму — с середины XIX в. по начало XX в. В этот период их часто и настойчиво переносили с отношений между людьми на отношения между народами и государствами, объясняя и оправдывая принципом «выживает сильнейший» империалистическую экспансию и войну.

После ужасов Первой мировой войны в социологическом и философском сообществе проповедовать социал-дарвинизм стало неприлично. Однако на рубеже XXI века, после обрушения СССР и соцлагеря, идеи возврата к социал-дарвинизму вновь стали как бы респектабельными не только в политической, но и в научной полемике. Его сторонники утверждают, что социал-дарвинизм —

это якобы наилучший механизм «подстёгивания» личностного, социального, исторического прогресса. Знаменательно, что это происходит, прежде всего, именно там, где эти идеи подвергались наиболее жёсткой критике, — в бывших странах социализма и в особенности в России.

Концепцию воинствующего индивидуализма как тотального эгоизма в середине XIX в. наиболее ярко и последовательно заявил Макс Штирнер (в книге «Единственный и его собственность»). Штирнер писал: *«Божественное — дело Бога, человеческое — дело человечества. Моё же дело не божественное и не человеческое, не дело истины и добра, справедливости, свободы и т.д., это исключительно МОЁ, и это дело не общее, а ЕДИНСТВЕННОЕ, — так же, как и я — единственный. Для Меня*

нет ничего выше Меня».

Артур Шопенгауэр дал индивидуализму и эгоизму иное обоснование. Он утверждал, что их первопричиной является субъективно осознанная как высший приоритет «воля к жизни». Которая присуща каждому человеку и которая в каждой ситуации выбора между личным и общественным диктует индивиду эгоистичное поведение.

Фридрих Ницше, начинавший с развития идей Шопенгауэра, далее пошёл своим путём. Ницше в книгах «По ту сторону добра и зла» и «Так говорил Заратустра» отрицал ценность жизни и волю к ней как ведущий человеческий инстинкт и высказывал предельное презрение к роду человеческому в его массовых проявлениях («человек есть нечто, что должно преодолеть»). При этом Ницше оправдывал воинствующий ин-

дивидуализм «героя», презиращующий жизнь и смерть, его «волей к власти». И подчёркивал, что только тот «волящий власти герой», который делом оправдывает свои амбиции стать сверхчеловеком, имеет шансы «творить историю».

Между крайностями «социального либерализма» и «воинствующего эгоизма» размещается множество относительно умеренных индивидуалистических концепций.

Одна из таких — наиболее распространённых — концепций предложена Алексисом Токилем. Который в изданной в 1864 г. книге «Демократия в Америке» определяет индивидуализм так: *это «взвешенное и спокойное чувство, побуждающее гражданина изолировать себя от массы себе подобных и замыкаться в узком семейном и дружеском кругу. Создав для себя, таким об-*

разом, маленькое общество, человек перестаёт тревожиться обо всём обществе в целом». Проблема истории и её смысла в таком варианте индивидуализма даже и не ставится.

Отметим, что Маргарет Тэтчер воспроизвела эту концепцию почти дословно, однажды публично заявив *«Никакого общества нет, есть только личности. И семьи»*. Это, видимо, во многом объясняет ту антисоциальную решительность, с которой она проводила свои реформы, и за которую её сегодня, в дни похорон, посмертно проклинаяют очень многие англичане.

Но в других вариантах индивидуализма, не впадающего в рассмотренные выше крайности, проблема истории и роли человека в ней звучит очень остро. Как, например, в «философии жизни» и экзистенциализме.

Анри Бергсон наиболее полно описывает свою «философию жизни» в книге «Творческая эволюция», где в центре оказывается понятие жизненного порыва как главного принципа развития и творчества. По Бергсону, в человеческом развитии жизненный порыв присущ именно индивиду.

В другом своём труде, «Два источника морали и религии», Бергсон — отметим, задолго до Поппера, которого мы упоминали ранее, — вводит понятия закрытого и открытого общества, для которых характерны, соответственно, статическая (закрытое общество) и динамическая (открытое общество) мораль и религия. При этом по Бергсону, закрытое коллективистское общество, основанное на *«морали подчинения части целому, строгой дисциплины и почти автоматического выполнения долга»*, — явля-

ется «*тупиковой ветвью*» социальной эволюции. И только индивидуалистическое открытое общество, благодаря динамической морали (*мистической эмоциональности, откликающейся на призыв великих нравственных личностей*), обладает потенциалом исторического развития.

Экзистенциалисты, начиная с автора этого термина Серена Кьеркегора, определяют экзистенцию как центральное ядро конкретного, неповторимого и единственного человеческого «Я», не сводимое ни к психологическому переживанию, ни к рациональному (изнутри личности, или извне, из общества) осмыслению. В фокусе внимания экзистенциальной личности вопросы смысла жизни, индивидуальной свободы и ответственности. Свобода здесь понимается прежде всего (например, у Жана-Поля Сартра) как свобода

формирования себя самого своими мыслями, эмоциями, поступками. А от этого свободного «выбора себя» зависит, в какой мере личность действительно существует и, значит, приобретает хоть какое-то значение.

Для экзистенциализма мир сам по себе не имеет ни смысла, ни цели, и только человек лично способен придать ему цели и смысл, то есть вовлечь в историческое движение. При таком мироощущении индивид всегда бесконечно одинок. Ему назначена только *«борьба без надежды на успех»* (Сартр). Борьба, для которой нужна особая воля, понимающая трагическую ничтожность шансов на исторический результат. Борьба, цель которой Уильям Фолкнер определяет как *«необходимость оставить хоть крошечный шрам на лице великого Ничто»*.

Конечно, данное здесь описание основных

позиций индивидуализма не является исчерпывающим. Моей целью было предъявить общие контуры той концептуальной платформы, с которой должен был воевать коллективизм.

О нём — в следующей статье.

Юрий Бялый

Война идей

Вторжение в семью, или «Была у зайчика избушка лубяная...» — 2

Маркс утверждал: «Теория становится материальной силой, как только она овладевает массами». Если теория (шире — некая система идей) разрушительна, то она становится разрушительной материальной силой

В предыдущей статье я уже сказала о том, что социальное сиротство — это отчуждение детей от родителей.

Мучительные раздумья Маркса об отчуждении как таковом надо обсуждать отдельно.

Что же касается проблемы отчуждения детей от родителей, то важно установить, что этот вид отчуждения на наших глазах приобретает черты и посткапиталистические (ведь семья, частная собственность и государство прочнейшим образом связаны) и докапиталистические. Согласитесь, нынешняя практика создания социального сиротства очень напоминает тот способ отчуждения детей от родителей (а также от рода как такового), который применяли завоеватели в докапиталистические времена, осуществляя свои набеги.

Особо показательно, что чудовищное социальное расслоение привело к тому, что одна, богатая, Россия может вести себя с другой, бедной, Россией, как осуществляющий набеги кочевник.

При этом богатый кочевник утверждает, что он у бедных детей не умыкает, нет! Он

этих детей спасает! От чего? От ужасной жизни в бедной семье.

Но нам с вами важны не те формы ложного сознания, с помощью которых этот кочевник свои набеги оправдывает. А то, что знаменуют собой его набеги по существу.

По существу же они знаменуют собой стремление этого кочевника так переиначить наше сознание и наше бытие, чтобы мы никогда не освободились от роли бессильной и бесправной колонии. Для этого надо а) кардинально пересмотреть отношения между индивидуумом и государством, и б) изменить весь наш с вами ценностный профиль.

Это можно сделать только за счёт вторжения новых разрушительных идей, подкрепляемого использованием столь же разрушительных социальных практик. Причём таких практик, которые находятся в теснейшей свя-

зи с идеями. В своей работе «К критике гегелевской философии права», написанной в 1844 году, Маркс утверждал: *«Теория становится материальной силой, как только она овладевает массами»*. Если теория (шире — некая система идей) разрушительна, то она становится разрушительной материальной силой.

Но не автоматически! Она перетекает в практику, вселяя в эту практику своё разрушительное идеологическое и даже метафизическое начало.

Вроде бы какая-то ювенальная идея. Подумаешь! Ан, нет. Сначала вторгается в сознание эта разрушительная идея, а потом... Что именно происходит потом, нельзя обсуждать абстрактно. Тут нужны конкретные истории.

С одной из таких историй мне как пред-

седателю «Родительского Всероссийского Сопротивления» довелось только что столкнуться.

История разворачивалась в Арзамасском районе Нижегородской области. Из многодетной семьи погорельцев, вместо того, чтобы ей помочь материально или хоть как-то, хоть чем-то, органы соцзащиты изъяли детей: одиннадцати, шести, четырёх и двух лет. Утверждая, что дети будто бы находятся «в *трудной жизненной ситуации*» (есть такая волшебная ювенальная формула, распахивающая детям дверь в казённое заведение). Семья деревенская, и изыматели не ждали для себя больших проблем — ну что может деревенский человек, так сказать, «уходящая натура», супротив хорошо организованных «героев нашего времени»? И организованных не «ваще», а «чисто конкретно»!

Отнимали ведь детей работники социального патроната и — включённые в орбиту его деятельности школьные работники. Многомерно включённые, как выяснилось по ходу дела.

Мотовиловская средняя школа, где учится старшая девочка, — она хоть и сельская, но, как можно понять, заглянув на её сайт, весьма продвинутая. И не абы куда, а как раз таки в европейском направлении: учителя ездят повышать свою квалификацию в скандинавские страны (квалификацию не в русском и математике, как догадываетесь). А рулит этими полезными поездками тоже не абы кто, а известный наш двигатель прогресса и распределитель международных грантов — «Высшая школа экономики», её дочерний фонд. Согласитесь, неожиданно богатая информация для людей, захотевших понять, как это так вышло, что 11-летнюю девочку в

ситуации, далёкой от чрезвычайности, забрали прямо с уроков в некий реабилитационный центр? И, увы, без серьёзных шансов возвращения в родную семью. А ещё через три дня — и остальных детей увезли. Думаете, сказочки? «Гуси-лебеди»? Нет, вполне реальная для сегодняшнего дня история. И незримо присутствующий символический участник процесса — ВШЭ — как раз порука её реальности. Ведь ВШЭ, если кто не знает, призвана модернизировать наше, всё никак не вписывающееся в европейский стандарт, российское существование. Занимается она этим повсеместно и на разных уровнях, вот уже и до села добралась.

Так что же там надо было модернизировать, спросите? Что забыло это элитарнейшее заведение в деревенском бездорожье? Почему вдруг обратило туда взгляд свой?

Знаете ли, есть одно предположение. Общего характера. Оно состоит в том, что пока не будет осуществлено окончательное отчуждение от нас не абы чего, а ненавистного завоевателю русского духа, пока не истребят этот самый *«русский дух»*, которым здесь всё ещё *«пахнет»*, пока не подменят его совершенно иным, стерильным и унифицированным, Россия так и будет ванькой-встанькой вырастать *«на пути прогресса»*, портя всю мировую игру. И это понимают. А потому разные, очень специальные организации шуруют уже и по глубинке. Ведь если за 20 лет не удалось истребить то, что они называют *«совком»* (а в это расширительное понятие сейчас уже вводят не только советское, но и *«русское»* как таковое), то надо разрушить традиционную семью — основной хранитель и переносчик ценностей. Где семья наиболее консервативна

и упорно передаёт «заветы тёмной старины»? В народной толще. Несмотря на изрядное истончение этой «толщи» и её маргинализацию (неизбежный спутник бедности) — дело по-прежнему обстоит именно так. Соответственно, применять ювенальный террор будут как раз к этим семьям. Тем более что они-то и наиболее беззащитны. Лёгкая добыча.

Тем более что в таких семьях почти всегда есть, к чему придраться. Тем более, будучи вооружёнными всем инструментарием западной ювенальной юстиции. С ними, правда, у нас любую семью можно объявить «опасной», и это ещё нас ждёт — всех! — но начинать, конечно, лучше с простого народа. С него и начали. В Родительское Сопротивление каждый день поступают звонки — там отобрали, тут отобрали... За что? Да ни за что вроде, если смотреть на жизнь с нашей колоколь-

ни, нашим привычным к российской действительности и не враждебным ей взглядом. Ну, а если с другой колокольни?

Вот арзамасский случай. Что, семья, в которую вторглась опека — образцовая, а дом их — «Дом образцового содержания» (помните, были когда-то такие таблички)? Да нет, конечно! Не ангелы эти Шевалдины из деревни Дальняя Криуша. Как и сама Криуша не место, пригодное для обитания ангелов, то есть ну совершенно не рай. А обычная русская загибающаяся деревня, в ставшей, увы, повсеместно депрессивной сельской местности. Где люди живут плохо или очень плохо. Третьего там не дано. Тем более удивительно, что многодетная семья, у которой в 2010 году сгорел большой дом, а вместе с ним грузовичок, на котором держался нехитрый семейный бизнес — вывоз из леса сухостоя,

— через год сумела купить и как-то обустроить небольшой домик по соседству. Так, чтобы жить в нём — хоть и тесно, но в тепле.

Всякий, кто понимает, что такое многодетным потерять дом, не иметь работы, не получить никакой государственной поддержки и, тем не менее, не опуститься, не спиться, а начать с нуля трудное восстановление, — скажет, что это очень стойкая семья. На каких Россия от веку держится. Ну, а если знать, что почти все тяготы легли на мать семейства (достаточно, кстати, молодую), то... В общем, можно только подивиться, как этот тип русской женщины, героически сопротивляющейся обстоятельствам, волокущей на себе их непосильный воз, воспроизводится даже в современном растлевающем мире. И тем более дико, что на такую семью посягнула «ювенальная гадина».

Но ей, иноземной гадине, совершенно всё равно и не интересно, кто как выживает, она имеет желание прихватить побольше детишек (детишки же в деревне весьма хороши) и переместить их из родной семьи в неродную или ещё куда подальше и похуже. Об этом уже было выше, в первой статье. Цель — понятна. Методы — ювенальные. Тут была бы зацепка. А обосновать — нехитрое дело. В данном случае зацепкой, поводом оказалось то, что мать наказала дочь. Скажем сразу, было за что. Выпорол. Или, точнее, пыталась выпороть, но девочка бегала вокруг стола, уклоняясь от расплаты, и порка вышла довольно нелепой. Видимо, ещё и неопытность матери сказала — это физическое наказание было первым.

Результат не заставил себя ждать. Девочка, уйдя назавтра в школу, не вернулась: ди-

рекция обнаружила на её теле несколько розового цвета (так в медэкспертизе) следов от домашней «разборки» и прямиком, не вызвав мать, отправила третьеклассницу в реабилитационный центр. Где ей надлежало оставаться вплоть до перемещения в чужую семью. Или детский дом. Поскольку по ювенальному законодательству первейшим правом ребёнка является право на детский дом. (Так и хочется сказать, «священное право»). И что там с ним в этом детском доме будет, и причём тут любовь — неважно. Важно, что торжествует принцип защиты *прав ребёнка*. На которые посягнули родители.

Напомним, наказания — телесные да и всякие — ювенальная юстиция не приемлет в принципе. Это ведь мы по своей старомодности полагаем, что личность формируется в системе тех или иных запретов, что без них

вырастет опасный распущенный тип, а вовсе не человек. Наше это несовременное убеждение связано с тем, что мы всё ещё считаем, будто надо вырастить человека (не дай бог, ещё с большой буквы!). А современные западные подходы этого не предполагают. То, что их применение плодит странные, часто неясного пола капризные и инфантильные существа, к тому же никчёмные в дальнейшей жизни, совершенно не смущает адептов метода. Почему — полагаю, всем уже давно понятно. Так что не будем ломиться в открытую дверь. И вернёмся от теории к практике.

Арзамасская практика состояла в том, что вслед за старшим ребёнком, через три дня у семьи забрали и остальных. Двоих в тот же центр, самую маленькую, двухлетнюю — в больницу, поелику слишком мала. Забирали с полицейским нарядом. Родителям при-

грозили, что если станут сопротивляться, то вызовут ОМОН, и детям же хуже будет. Они не стали. Но подруга матери разместила в сети просьбу о помощи. История быстро стала известной, и не только в Нижнем. В прямом эфире «России-1» встретились все её фигуранты: Шевалдины, школьная администрация, органы опеки и тихие вершители судеб таких, как Шевалдины, — высокие чиновники Управления соцзащиты (эти — в ходе телемоста с Нижегородской областью). И вот тут мне, приглашённой на телепередачу «от общественности» и в общих чертах знавшей историю, поскольку наши товарищи из РВС уже ею начали заниматься, впервые стало сильно не по себе. Потому что, глядя на невероятно наглую повадку тех, кто учинил погром в чужой семье, кто безосновательно отобрал у матери четверых (четверых!) детишек

— об их травме кто-то подумал ли? — было ясно: тут какая-то принципиальная *новизна*. Не недоразумение, не головотяпство и не бессердечность даже. В нашу жизнь вторгается нечто совершенно новое, чужое и — уверенное в своём праве.

Студия выла от сочувствия и возмущения, эксперты негодовали — как так, где законность, она поправа! — казалось бы, при таком единодушном восприятии это дело должно рассыпаться, не начавшись. Но было ясно видно, что будет совсем, далеко не так. Физически ощущалось присутствие в пространстве «чужих». «Не инопланетяне ли?» — думалось, глядя на обвинителей. Начальник Управления соцзащиты, ни капли не стыдясь, сообщал с экрана, что многодетным погорельцам была оказана положенная им помощь: 2 000 рублей и не только — ещё

плюшевая игрушка мальчику. Представители школы держались с неясно на чём основанном превосходстве и говорили с каким-то вызовом. Вальяжная дама, начальница опеки, некто Пимкина, называла мать, у которой стащила детей, не иначе как на «ты»... Пожалуй, вот этот малый штрих был самым ярким — в студии ещё «тутошные» что-то кричат, надрываясь, а на подиуме уже «тамошные» расположились и ни в чём себе не отказывают. И говорят с ими же ограбленными, как с крепостными. На «ты».

Дальнейшее развитие арзамасской истории, в которой РВС стало принимать весьма деятельное участие, показало: первое впечатление было весьма точным, мы действительно сталкиваемся с принципиально новой ситуацией. И что не менее важно, присутствие в суде на слушаниях дало интересные наблю-

дения — КАК действуют те, кто заявился к нам в дом. Эти разорители семей с повадками «лисы в курятнике» — что они делают с нашим обществом, какие методы психической атаки применяют, чтобы ввести в оторопь одних, взять на свою сторону других и расправиться с третьими? Их «ходы» надо видеть, «феню» понимать, потому что в очередной раз, как и в перестройку, общество хотят взять в полусонном доверчивом состоянии. Но брать-то будут не просто, не как тогда даже, а за самое чувствительное место — за детей.

Так что продолжим наши «штудии».

Мария Мамиконян

Диффузные сепаратистские войны

Поволжье. . . Что стоит за некоторыми международными экономическими проектами?

Но нас интересует не поэтический дар принца, а то, что он принадлежит к высшей саудовской элите, которая имеет прямое отношение к войне против СССР и России

Сауд аль-Фейсал, Хилари Клинтон и Халед аль-Фейсал, март 2012 г.

В первые месяцы 2013 года управленческая элита некоторых регионов Поволжья и Юга России предприняла новые шаги по интеграции в «мировое исламское сообщество». Так как подобная интеграция довольно часто связана с возникновением нового элемента

диффузной сепаратистской войны, ведущейся против России, необходимо уделить этим шагам самое пристальное внимание.

Начнём с наиболее яркого примера.

16 марта 2013 года по приглашению генсека Организации исламского сотрудничества (ОИС) Экмеледдина Ихсаноглу представительная делегация из Татарстана во главе с президентом республики Рустамом Миннихановым посетила Саудовскую Аравию.

Скажут, что ничего необычного не произошло. Бывший лидер Татарстана Минтимер Шаймиев и раньше посещал эту страну, в том числе в составе российских делегаций, встречался с генсеком ОИС, а также принимал саудитов у себя на родине. И нынешний визит, по мнению экспертов, связан с давними отношениями республики с самой крупной и авторитетной международной мусуль-

манской организацией, объединяющей 57 государств с населением порядка 1,5 млрд человек. (Напомним, что с 2005 года Россия имеет в ОИС статус наблюдателя.)

Однако необычность данного события состоит в том, что это первый официальный визит татарстанской делегации такого высокого уровня, нацеленный на построение долгосрочного экономического сотрудничества. И первый визит большой группы крупных политиков и бизнесменов, во время которого у президента Татарстана была обширная политико-экономическая и культурная программа.

Р. Минниханов принял участие в открытии XIII международного экономического форума в Джидде, где около трёх тысяч делегатов обсуждали проблему «обеспечения жильём и необходимой инфраструкту-

рой растущего населения мусульманских стран».

В своей речи он заявил: «На современном этапе Саудовская Аравия рассматривается во всём мире как один из наиболее привлекательных партнёров для развития экономических контактов... Мы прибыли на форум, чтобы подтвердить готовность России и Республики Татарстан к развитию сотрудничества с Саудовской Аравией в торгово-экономической, технологической, культурной, гуманитарной и других сферах».

Надо отметить, что Татарстан по некоторым небольшим проектам уже сотрудничает с ОИС, а также с Исламским банком развития (ИБР) и Торгово-промышленной палатой Саудовской Аравии. Обмен рабочими визита-

ми не так часто, но происходит.

Р. Минниханов также отметил это в своём выступлении: *«Мы чрезвычайно благодарны за то внимание, которое уделялось саудовским руководством российским и татарстанским делегациям. Мы очень ценим гостеприимство эмира региона Мекка Халеда Фейсала...»*

Сразу уточним, что упомянутый эмир является сыном короля Фейсала, также участвовавшего в открытии экономического форума в Джидде.

Об этом члене королевской семьи мы более подробно поговорим чуть позже. А пока обратим внимание на мнение некоторых казанских экспертов, предполагающих, что Татарстан при таких активных самостоятельных шагах может претендовать на роль «посредника» в отношениях между Россией и Са-

удовской Аравией, некой «опытной площадке» для отработки моделей сотрудничества с исламским миром.

В любом случае, по их мнению, выступая в роли посредника или самостоятельно-го партнёра по экономическому диалогу, Казань рассчитывает на решение, как минимум, нескольких задач: привлечение крупных инвестиций в экономику Татарстана, запуск проектов по нефтедобыче и производству энергоносителей, увеличение объёмов внешнеторговых операций, открытие в республике исламского банка.

На существование этих и иных интересов указывала и встреча в Джидде президента Р. Минниханова с главой Исламского банка развития (ИБР) Ахмедом Мохаммедом Али аль Мадани. Во время этих переговоров были рассмотрены вопросы, связанные

с «инвестициями в сельское хозяйство Татарстана, экспортом продовольствия в Саудовскую Аравию, в страны Ближнего Востока и Африки», а также вопросы «использования исламских финансовых инструментов в России».

Р. Минниханов полностью одобрил сделанные главой ИБР предложения: *«Было бы правильно, если бы предприниматели из Саудовской Аравии пришли в наше сельское хозяйство... Руководство страны всячески приветствует иностранные инвестиции. А Исламский банк развития мог бы участвовать в финансировании этих проектов».*

Таким образом, зарубежные партнёры решили начать долговременное сотрудничество с вложений в ту отрасль, которая подвержена наибольшим рискам после вступления России

в ВТО. При этом эксперты обращают внимание на то, что саудовский бизнес может интересоваться не только сельхозпродукция (которую, кстати, они уже экспортируют в Татарстан), но и земельный фонд.

Культурная программа пребывания татарстанской делегации включала в себя и «совершение хаджа», посещение священной Мекки.

Некоторые казанские эксперты по-прежнему считают, что в целом первый визит президента Р. Минниханова в Саудовскую Аравию проходил вполне традиционно. Ведь, по их словам, в форумах ОИС ранее принимали участие президент России В. Путин, а также лидеры Башкортостана и Чечни (которые также совершали хадж и общались с членами королевской семьи).

Однако мы обращаем внимание на то, что в этот раз речь идёт о крупных совместных

инвестиционных и инфраструктурных проектах со страной, которая является традиционным политическим и экономическим союзником США в регионе Персидского Залива. И этот сильный и влиятельный союзник — уже давно вовлечён в неявную войну, направленную против нашей страны. А потому здесь необходимо учитывать не только экономическую выгоду от международных контактов, но и политические (и иные) издержки, которые в конечном итоге могут перекрыть любой экономический эффект.

Начнём с примера, опять же адресующего к рассматриваемому визиту.

Как уже было сказано, во время экономического форума в Джидде президент Татарстана встретился с губернатором провинции Мекка принцем Халедом аль-Фейсалом, который является не только политиком, но и

поэтом. Повод для встречи — приглашение принца в Казань и передача автору его книги стихов, изданной на татарском языке в марте 2013 года.

Но нас в данном случае интересует не поэтический дар принца, а то, что он является братом министра иностранных дел Сауда аль-Фейсала и бывшего (1977–2001 гг.) главы службы саудовской общей разведки, посла в Великобритании и Соединённых Штатах Турции аль-Фейсала. То есть принадлежит к высшей саудовской элите, которая имеет прямое отношение к войне против СССР и России.

Приведём только несколько фактов.

Факт №1 представлен в книге польского автора Петера Швейцера «Победа» (1994 г.), где на основе документальных источников, например, рассказывается о сотрудничестве

спецслужб США и Саудовской Аравии, направленном на разрушение СССР: «В начале апреля 1981 года Уильям Кейси отправился в трёхнедельное путешествие на Ближний Восток и в Европу. ... На встречу с новым директором ЦРУ прибыл лично шейх Турки аль-Фейсал... Турки ... заверил, что король считает Среднюю Азию весьма слабым местом советской империи. ... Король чувствует себя ответственным за наших мусульманских братьев под русским ярмом, сообщил он. Саудовская Аравия намерена вернуть широкомасштабную контрабанду Корана в Афганистан, а затем и в советскую Среднюю Азию. Как он утверждал, это был способ борьбы с Советами на идеологической почве».

Этот план (плюс финансирование му-

сульманского движения в южных регионах СССР) был в дальнейшем реализован. Добавим, что Саудовская Аравия щедро спонсировала тайные операции США и Великобритании по «поддержке джихада в Афганистане» против советских войск.

Факт №2 относится к захвату в октябре 2002 года террористами заложников в столичном Театральном центре на Дубровке. В это время в Москве находился с визитом принц Турции аль-Фейсал, предлагавший не только крупные инвестиции в оборонный комплекс и ядерную сферу, ... но и своё посредничество на переговорах с исламистами. Некоторые эксперты уверены, что один из создателей «Аль-Каиды» рассчитывал таким образом, как минимум, получить выгодные контракты.

Здесь же отметим, что спецслужбы Сау-

довской Аравии играли большую роль в создании и поддержке кавказского террористического подполья.

Факт №3 адресует к активному участию выходцев из религиозных центров Саудовской Аравии с начала 1990-х годов в распространении идеологии салафизма (ваххабизма) на территории мусульманских регионов России, в том числе в Татарстане. Этому способствовали и «спонсорская деятельность» саудовских фондов, «перекупавших» часть имамов республики, и приток в республику «новых имамов» из числа татарстанской молодёжи, прошедшей обучение в ваххабитских учебных заведениях.

Власти Татарстана в 90-е взяли курс на сотрудничество с Саудовской Аравией, где ваххабизм является официальной религией. Благодаря активности прежнего главы Ду-

ховного управления мусульман (ДУМ) Татарстана И. Файзова, проводившего «зачистку» духовенства республики от радикальных исламистов, влияние ваххабитов в Татарстане несколько ослабло. Но есть серьёзные основания опасаться того, что нынешнее расширение экономического партнёрства Казани и Эль-Рияда сведёт эти достижения к нулю.

Такое предположение возникает из интервью нового муфтия республики Камиля Самигуллина (избранного 17 апреля 2013 года и с самого начала поддержанного президентом Р. Миннихановым).

За два дня до избрания главой ДУМ Татарстана К. Самигуллин заявил о необходимости вести диалог с приверженцами радикального ислама: *«С ними мы будем говорить на языке исламской науки, то есть, основываясь на фундаментальных доказа-*

тельстввах. С людьми надо общаться... Теологические споры между нами есть, и мы должны им доказывать, объяснять, в чём они ошибаются».

Некоторые эксперты пытались обосновать такую позицию главы ДУМ осторожностью и попыткой властей избежать конфликта с исламистами накануне летней Универсиады-2013, которая пройдёт в Казани. Но это предположение опровергают слова самого нового муфтия относительно того, что *«учащиеся в Саудовской Аравии молодые татары по возвращению на родину будут трудоустроены».*

Аргументы в пользу того, что саудиты по-прежнему работают на поддержку радикального ислама, используя его (вместе с американцами) в качестве инструмента по разрушению России, по-видимому, не действуют не

только на татарстанскую элиту.

15 февраля 2013 года Астрахань посетила представительная делегация из той же Саудовской Аравии. Губернатор Астраханской области Александр Жилкин и принц королевства Сауд Бин Мишал Бин Абдулазиз Аль-Сауд обсудили инвестиционные проекты в области туризма и *«перспективы развития шахматного спорта»*.

К переговорам на такую тему, естественно, подключились президент ФИДЕ Кирсан Илюмжинов (не теряющий надежду ещё раз возглавить Калмыкию) и представитель ФИДЕ в России Берик Балгабаев.

После закрытой встречи Илюмжинов поделился впечатлениями в своём «Твиттере»: *«Гости были буквально «завалены» предложениями о сотрудничестве в самых разных сферах экономики»*. В качестве глав-

ной цели гостей из Саудовской Аравии обозначалось *«налаживание экономических и культурных связей с Астраханской областью»*.

В конце встречи принц Саудовской Аравии преподнёс астраханскому губернатору стальной меч, покрытый золотом и серебром. В ответ Федерация шахмат Астраханской области преподнесла высокому гостю символический подарок — комплект шахмат.

Заметим, что интерес саудитов к этому региону возник не этой зимой. В 2012 году принц Саудовской Аравии вместе с К. Илюмжиновым уже присутствовали на открытии детской шахматной академии в Астрахани. А недавно саудиты подали заявку с просьбой включить королевство в основной состав членов ФИДЕ.

Однако, как видно из пересказанного

Илюмжиновым содержания последних переговоров, саудитов интересуют не только туризм и шахматы. Если же говорить о шахматах, то по-настоящему саудитов, скорее всего, интересуется крупная геополитическая игра на «великой шахматной доске». Причём даже не в формате «Евразии» (как у З. Бжезинского), а на более широкой территории. И для этого у Садовской Аравии есть и большие деньги (к которым так страстно тянутся некоторые российские региональные лидеры), и исламско-халифатистский проект, в котором...

Понимают ли это любители крупных инвестиций, готовые и дальше принимать у себя на территории ваххабитских проповедников? Какое место может занять Россия в таком исламско-халифатистском проекте? Да и татары — тоже?

Эдуард Крюков

Культурная война

«Деточки» и «белоленточники»

В последнее время в нашей стране широко распространилась деятельность самоорганизующихся групп, которые пытаются восстанавливать справедливость

Протестные движения, достигнув своего пика на Болотной площади 6 мая 2012 года (когда особо впечатлительные участники

говорили о «150 тысячах митингующих!»), постепенно пошли на спад. Хотя ещё были некоторые всплески и в шествии от Пушкинской до проспекта Сахарова, и во время акции «Большой белый круг», когда участники встали, взявшись за руки вдоль Садового кольца. Но теперь это, в основном, локальные акции, такие как гуляние с белыми ленточками по Красной площади или немногочисленный «Марш за права москвичей».

В 2013 году уже и некоторые лидеры оппозиции, например В. Рыжков, признают, что *«оппозиция свои позиции потеряла»*. Они пытаются объяснить это тем, что оппозиционная коалиция распалась, и тем, что оппозицию запугали различными репрессивными мерами, и тем, что Госдума приняла закон об Некоммерческих организациях (НКО). И возмущаются увеличивающимся безразличием

так называемого креативного класса, участвовавшего в «норковой революции». Кто-то по привычке говорит об инертности интеллигенции, которая тогда выходила на улицы и участвовала в шествиях. Но где же всё это теперь?

Тем не менее, Владимир Буковский, один из лидеров оппозиционного движения «Солидарность», 9 января 2013 года на «Грани.ру» прогнозирует: *«Будет вторая волна... Интеллигенция с полицией драться не хочет. Ей на смену придёт более простая, «шпанистая» публика, которой в России очень много. Им подраться с полицией — одно удовольствие. Вот и пойдёт многотысячная толпа с заточками на несчастный ОМОН... Сейчас зима, и это не в пользу народа. Во времена кризиса польской «Солидарности» была такая*

пословица: «Зима — за правительством, весна — за народом».

Возникает принципиально важный вопрос: что знаменует собой такое заявление Буковского? Он выдаёт желаемое за действительное? Утешает проигравших (мол, будет и на нашей улице праздник)? Пытается сохранить лицо? Или же — внимание! — он и ему подобные пытаются что-то соорудить, смоделировать. И моделируется не абь что, а новая шпанистая оппозиция. Причём речь идёт именно о моделировании такой оппозиции всеми средствами, включая средства киноискусства. Ответ на этот вопрос надо давать не залихватски, в стиле теории заговора, а вдумчиво и опираясь на конкретные факты.

3 апреля 2013 года («ближе к весне», как говорил господин Буковский) в москов-

ском кинотеатре «Художественный» состоялась премьера нового фильма Дмитрия Астрахана «Деточки», по сценарию Олега Данилова. Жанр картины обозначен как сказка.

Кинокритики называют Астрахана режиссёром, чьи фильмы можно запросто предска-

зять, потому что они достаточно просты, другие считают его патриархом отечественного китча, снимающего фильмы в стиле мелодрам, мыльных опер, лубка, индийского кино. Его часто называют народным режиссёром, за то, что он точно угадывает настроение в обществе и представляет это в своих фильмах.

Так в 90-х годах в фильме «Ты у меня одна» он показывает «столкновение блестящей заграницы с российской грязью», а в середине 90-х в фильме «Всё будет хорошо» обсуждается уже другая тема — тема соседства богатства и бедности.

Многие отмечают, что в его фильмах конфликты шаблонные, шутки примитивные, герои говорят деревянными голосами, диалоги плоские и невыразительные, с налётом сентиментальности. А зритель продолжает смот-

реть его фильмы и «вытирать слёзы», потому что это всё «как в жизни».

Снимает Астрахан много и быстро («Контракт со смертью», «Изыди!», «На свете живут добрые и хорошие люди», «Перекрёсток», «Подари мне лунный свет» и т.д., и т.п. — более 20 фильмов с 1993 по 2012 год). Его девиз — «Хочу, чтобы моё кино смотрели все, а не избранные».

Перед премьерой фильма «Деточки» была проведена масштабная рекламная кампания. В ней объявлялось, что в прокат выходит скандальная сказка «Деточки», что закрытый, ограниченный показ фильма пройдёт только в некоторых кинотеатрах. Критики многократно повторили, что родился «народный кинохит десятих годов», не забывая присовокупить, что этот фильм отсылает и к советской киноклассике (хотя бы к Юрию

Деточкину в названии).

Известные люди: писатель Дмитрий Быков, депутат ГД Илья Пономарёв, бизнесмен Константин Боровой, гендиректор «Независимой газеты» Константин Ремчуков и др. — посмотрев фильм Астрахана, обменялись мнениями после просмотра в кинотеатре «Художественный».

Д. Быков был на обсуждении модератором: *«Какой ужас заключён внутри фильма и внутри нашего желания смотреть такое кино, это мы поймём не сразу. Я вообще боюсь народного кино, а именно его Дмитрий Астрахан умеет один делать».*

Д. Астрахан на это сказал: *«Нельзя так больше жить, как мы живём, это может привести к необратимым последствиям. Есть предчувствие, что может грянуть гром».*

И. Пономарёв так описал реакцию первых зрителей на картину: *«Первые пять минут после того, как зажёгся свет, зал пребывал в шоке. И я не знаю, что было большим шоком: увиденные ножи нового поколения на экране или услышанные аплодисменты в зале».*

К. Боровой заверил режиссёра, что прокатная судьба у фильма будет хорошей, потому что картина точно попадает в настроение общества.

Что же за сказку представил нам Астрахан? В некоем российском городе N от рук неизвестных убийц стали погибать чиновники-педофилы, наркоторговцы, продажные врачи, судьи-коррупционеры. В полиции не сразу понимают, что убийцы — дети, вооружившиеся кухонными ножами и решившие бороться с нечистью в государстве.

Перед убийствами дети всё-таки обращались в полицию, но она не хотела вмешиваться.

При этом детей не выдаёт весь город, невозможно найти никаких свидетелей и улик, хотя «деточки» ни от кого и не прячутся и многие убийства проводят показательно, на глазах огромного количества людей. На вокзале они убивают алчного врача, который требовал с матери за операцию сына огромные деньги, а когда мать не смогла их найти, то отказался делать операцию и ребёнок умер. Они выслеживают и убивают торговца наркотиками, который регулярно продавал своё зелье около школы. А потом тащат его бездыханное тело через длинный коридор, оставляя на полу кровавый след.

Одним словом, неуловимые мстители из детдома вырезают нечисть нашего времени, всяких тварей, нелюдей — тут и наркобароны,

и вредные училки, мошенники-поставщики продуктов в школьные столовые, от которых травятся дети, педофилы, врачи-рвачи, плохие родители и армейские «деды».

Убийства превращаются в обыденность и совершаются с неотвратимой методичностью, как уборки в квартире. Вот один участник просит: *«Возьмите меня с собой, я знаю, кого убивать»*. Старший из детей говорит, *«на дело пойдём после третьего урока, сначала всем надо подготовиться к литературе»*. И точно — после литературы они идут убивать.

Так возникает основной образ фильма — шествие детей в одинаковых тёмных капюшонах, с невозмутимыми лицами, в руках — ножи.

Кто же «деточек» этому научил — вот так беспощадно убивать, отслеживать, взры-

вать своих жертв? Оказывается, у них в детском доме есть военно-патриотический кружок, который ведёт Вадим Петрович, полковник ГРУ в отставке, ветеран локальных войн (то ли афганской, то ли чеченской). Он показывает детям всякие приёмы ручного боя, владения холодным оружием (теми самыми ножами, которыми они будут резать нелюдей), ориентировке на местности, выживанию в лесу и т.д.

Периодически Вадим Петрович призывает детей прекратить убивать, но дети ему в ответ: «А на войне можно убивать?» ГРУшник отвечает, что на войне — другое дело, там такие условия и пр. И тогда один из «деточек» заявляет: «Значит, нам объявлена война!»

Когда ОМОН начинает операцию по задержанию «деточек», самый продвинутый из детдомовцев, который ходит с компьютером,

бросает обращение в «Твиттер», и почти сразу около дома-крепости (где прячутся детдомовцы) собираются тысячи детей. «Целое поколение детей», которые стоят перед дулами автоматов, одним движением, как по команде, натягивают капюшоны, и из рукавов показываются ножи. И когда на автоматный огонь омоновцев с ближайшей колокольни раздаётся ответная автоматная очередь, «деточки» узнают своего Вадима Петровича, который приходит к ним на помощь, а затем погибает от снаряда омоновцев.

Так кто же эти дети? Ангелы смерти? Герои нашего времени? Или дети, которых органы опеки отняли у родителей и поместили в детский дом, а они решили за это отомстить?

Сам Астрахан считает свой фильм предостережением обществу, которое должно срочно одуматься и начать бороться с социальными

ми пороками.

Или он пугает это самое общество — дети уже точат ножи! Они не заявляют никаких политических целей, ничего не требуют. Только мщение! И таких уже много.

Надеюсь, что читателю стало яснее, что именно я имею в виду, говоря о моделировании новой оппозиции всеми средствами, включая средства киноискусства. Творцы Болотной и Сахарова не только не разгромлены, но и, напротив, обласканы. Их спонсоры не повторили судьбу Ходорковского. Они жируют, распиливают бюджетные средства. Никакого «железного занавеса» нет и в помине. Равно как и спецслужбистского прессинга. Сказки про этот прессинг, распространяемые белоленточниками, право, смешно читать. А значит, моделирование новой оппозиции возможно. Для этого могут осуществляться до-

статочно дорогие проекты: интернетные, телевизионные, кинопроекты и так далее. Найдутся у этих проектов спонсоры! Эти спонсоры никоим образом не будут бояться того, что их, так сказать, «за ушко да на солнышко». Найдётся и социальная база. Никто ничего не будет моделировать на пустом месте. Протест и впрямь нарастает. И впрямь приобретает всё более жёсткий характер. Вопрос в том, кто и с какими целями его будет осёдлывать. Что же касается масштаба и качества протеста, то данные таковы.

В последнее время в нашей стране широко распространилась деятельность самоорганизующихся групп, которые пытаются восстанавливать справедливость. Тут и дружинники, и казаки, и группы против наркотиков и против педофилов.

В интернете появилось много видеороли-

ков, на которых видно, как группы молодых людей с крючьями, топорами и битами атакуют владельцев автомашин с затемнёнными стёклами или ларьки, где продают курительные смеси (такие, как спайс). Водителей жестоко избивают, машины уродуют, продавцов палаток обливают краской, палатки громят.

Для борьбы с распространением детской порнографии была сформирована кибердружина — общественное движение, насчитывающее более 700 человек. Участники кибердружины отслеживают правонарушения в интернете, а сцены своей расправы с преступниками выкладывают в сеть.

А проект «ОккупайПедофиляй» приобрёл популярность при участии в нём блогера Марцинкевича по прозвищу Тесак. Тесак с компанией парней ловит педофилов, заставляет их просить прощения, обливает краской,

снимает всё это на видео и выкладывает в сеть. Почти полтора десятка групп действуют такими же методами.

Есть объединения, занимающиеся борьбой с наркоторговцами: «Молодёжный антинаркотический спецназ», «Дури.нет». Есть группы, занятые поиском нелегальных мигрантов, такие как «Щит Москвы». Они выкладывают фотографии мигрантов в сеть, сообщают о них в полицию. Участники национал-социалистического общества «Север» в период с января по июль 2008 года убили 27 человек в Москве и Московской области, преимущественно мигрантов. Эта же группа готовила теракт на электростанции в городе Сергиев Посад.

Ну, и кто же после этого осмелится сказать, что прогнозы господина Буковского являются абсолютно беспочвенными? А сам он

— всего лишь исполняет номер под названием «хорошая мина при плохой игре»? Как бы не так!

Марина Волчкова